МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность
(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)

на тему «Содержание и принципы оценки доказательств»

Обучающийся И.С. Гурбанов
(Инициалы Фамилия) (личная подпись)

Руководитель канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Доказывание в уголовном судопроизводстве, по праву, является одной из базовых и важнейших составляющих, без которой невозможно рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу.

Без уголовно-процессуальных доказательств должностные лица стороны обвинения не имеют возможности составить итоговый обвинительный документ и направить уголовное дело для рассмотрения и разрешения в судебном разбирательстве, а суд, соответственно, не имеет процессуального основания для разрешения дела.

Только законная, основанная на логической основе, оценка совокупности доказательств, собранных по делу, может лежать в основе вынесенного судом приговора, что актуализирует вопросы совершенствования нормативного регулирования комплекса вопросов, связанных с оценкой доказательств на различных этапах производства по уголовному делу, а также практики применения соответствующих нормативных положений.

Цель исследования: рассмотреть и проанализировать содержание и принципы оценки уголовно-процессуальных доказательств.

Обозначенная тематика поднималась в работах разных специалистов. Можно выделить работы таких авторов как: О.Я. Баев, В.С. Балакшин, Л.К. Капустина, Л.Д. Кокорев, В.А. Лазарева, Е.В. Марковичева, Я.О. Моловиловкер, А.В. Победкин, М.С. Строгович, С.А. Шейфер и других.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы и девять параграфов, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение 4
Глава 1 Понятие, принципы и субъекты оценки доказательств 6
1.1 Понятие доказывания в уголовном судопроизводстве 6
1.2 Принципы оценки доказательств 14
1.3 Субъекты оценки доказательств. 19
Глава 2 Критерии оценки доказательств 27
2.1 Относимость доказательств 27
2.2 Допустимость и достоверность доказательств 29
2.3 Достаточность совокупности доказательств для принятия решения 36
Глава 3 Проблемные аспекты оценки доказательств и пути их решения 43
3.1 Проблемы доказательств и доказывания на стадии возбуждения уголовного дела 43
3.2 Проблемы доказательств и доказывания на предварительном расследовании 48
3.3 Проблемы доказательств и доказывания в суде 55
Заключение 66
Список используемой литературы и используемых источников 74

Введение

Актуальность исследования. Доказывание в уголовном судопроизводстве, в соответствии с нормами действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [71] (УПК РФ), по праву, является одной из базовых и важнейших составляющих, без которой невозможно рассмотрение и разрешение уголовного дела по существу.

Без уголовно-процессуальных доказательств должностные лица стороны обвинения не имеют возможности составить итоговый обвинительный документ и направить уголовное дело для рассмотрения и разрешения в судебном разбирательстве, а суд, соответственно, не имеет процессуального основания для разрешения дела.

Только законная, основанная на логической основе, оценка совокупности доказательств, собранных по делу, может лежать в основе вынесенного судом приговора, что актуализирует вопросы совершенствования нормативного регулирования комплекса вопросов, связанных с оценкой доказательств на различных этапах производства по уголовному делу, а также практики применения соответствующих нормативных положений.

Цель исследования: рассмотреть и проанализировать содержание и принципы оценки уголовно-процессуальных доказательств.

Задачи исследования:

- сформулировать понятие доказывания в уголовном судопроизводстве;
- определить принципы оценки доказательств;
- рассмотреть субъектов оценки доказательств;
- проанализировать критерии оценки доказательств;
- рассмотреть проблемные аспекты оценки доказательств и пути их решения на различных этапах производства по делу.

Объект исследования: деятельность участников уголовного судопроизводства в процессе доказывания по уголовным делам.

Предмет исследования: уголовно-процессуальные нормы, а также материалы юридической практики, касающиеся доказывания в уголовном судопроизводстве.

Методология исследования: в основе проведенного исследования лежит комплекс общих и частных методов современного научного познания.

Степень разработанности темы исследования. Обозначенная тематика поднималась в работах разных специалистов. Можно выделить работы таких авторов как: О.Я. Баев, В.С. Балакшин, Л.К. Капустина, Л.Д. Кокорев, В.А. Лазарева, Е.В. Марковичева, Я.О. Моловиловкер, А.В. Победкин, М.С. Строгович, С.А. Шейфер и других.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на три главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, принципы и субъекты оценки доказательств

1.1 Понятие доказывания в уголовном судопроизводстве

В первую очередь, рассматривая вопрос о понятии доказывания в уголовном судопроизводстве, следует рассмотреть вопрос об определении понятия доказывания. Стоит отметить, что понятие доказывания является одной из базовых и определяющих категорий в соответствующей области научного знания и уголовно-процессуальной практики. К сожалению, в действующем УПК РФ определение соответствующего понятия отсутствует.

Законодатель в рамках ст. 85 УПК РФ лишь определяет, что «доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных статьёй 73 настоящего Кодекса».

Это обстоятельство предопределяет наличие широкого спектра мнений по данному вопросу в уголовно-процессуальной науке.

«Процесс доказывания – это деятельность, осуществляемая на основе уголовно-процессуального законодательства по установлению и познанию с помощью доказательств фактов объективной действительности, необходимых для правильного разрешения уголовного дела» [50, с. 59] – пишут одни авторы.

«Под доказыванием в уголовном процессе понимается осуществляемая в установленном законом порядке деятельность суда (судьи), прокурора, следователя, органа дознания, дознавателя при участии иных субъектов процесса по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью достоверного установления истины по уголовному делу, а также для выполнения задач уголовного судопроизводства» [46, с. 213] – определяют авторы комментария к действующему УПК РФ.

По мнению Г.П. Корнеева, «доказывание в уголовном процессе – это особая разновидность познания практической направленности,

осуществляющая собирание, закрепление, проверку и оценку информации о преступлении в предусмотренных законом процессуальных формах с целью установления обстоятельств и решения задач уголовного судопроизводства» [30, с. 94].

А.Ю. Антипов понимает под доказыванием в уголовном судопроизводстве «урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность компетентных на то органов и должностных лиц по собиранию, закреплению, проверке и оценке зафиксированных в процессуальном источнике фактических данных, имеющих отношение к делу, а равно по удостоверению наличия таковых от имени государства» [3, с. 223].

По мнению В.А. Лазаревой, «под доказыванием следует понимать состоящую в собирании, проверке и оценке доказательств мыслительную и практическую деятельность органов уголовного преследования (дознавателя, следователя, прокурора, государственного обвинителя) по изобличению подозреваемого и обвиняемого в совершении преступления и обоснованию его вины» [36, с. 50].

Думается, что в качестве краткого определения доказывания можно предложить следующее: «под доказыванием следует понимать непосредственную и опосредованную уголовно-процессуальным законом практико-мыслительную деятельность должностных лиц стороны обвинения и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ».

Доказывание и познание неразрывно связаны между собой, как справедливо отмечал С.А. Шейфер [82, с. 15], хотя и содержательно не совпадают, поскольку категория «познание» шире, чем категория «доказывание».

В первую очередь с познанием также связывает доказывание известный советский процессуалист М.С. Строгович: «Мы отождествляем доказывание в уголовном процессе с познанием истины по уголовным делам: процесс доказывания и есть процесс познания фактов, обстоятельств дела» [65, с. 296].

В данном контексте уместно рассмотреть вопрос о цели доказывания в уголовном судопроизводстве.

Традиционно принято считать, что доказывание представляет собой «процесс установления истины в судопроизводстве, ее познания и обоснования представлений о ее содержании» [58, с. 107].

Единого мнения по понятию доказывания, как видно, нет. Однако, большая близость взглядов наблюдается применительно к сущности доказывания.

Таковую И.И. Николаева определяет «как и цель доказывания – установление истины по делу» [48, с. 83].

М.С. Строгович считал, что «доказывание – это установление при помощи доказательств всех фактов, обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела... Иными словами, доказывание – это пользование доказательствами для выяснения обстоятельств уголовного дела» [65, с. 295].

Одну из ключевых сложностей представляет тот факт, что установлению подлежат события прошлого, ведь преступление на момент выяснения субъектами доказывания его обстоятельств, уже совершено и объективно не может быть познаваемо непосредственно.

Истина, об установлении которой в рамках уголовно-процессуального доказывания ведут речь специалисты, называют «материальной или объективной истиной» [38, с. 120].

Но говорить о возможности достижения объективной истины в рамках производства по уголовному делу вряд ли возможно с точки зрения представлений гносеологии (науки о познании). Представляется, что достичь абсолютной истины практически невозможно – всегда существует вероятность ошибки.

Объективная истина – категория, находящаяся за пределами достижимого в условиях объективной действительности, но вполне может

рассматриваться в качестве эталона, к которому надлежит стремиться в уголовно-процессуальной деятельности, связанной с доказывание.

Достижение истины не рассматривается законодателем в качестве составляющей назначения уголовного судопроизводства, с учётом положений ст. 6 УПК РФ, но итог доказывания, обозначенный в судебном приговоре, презюмируется в качестве истинного. Такую истину, условно, можно считать «истиной процессуальной».

При этом, авторами «в качестве идеального результата производства по уголовному делу признаётся совпадение объективной и процессуальной истин» [6, с. 19].

Таким образом, можно констатировать, что установление истины следует рассматривать, как идеальный результат доказывания. Фактическим же результатом уголовно-процессуального доказывания выступает достижение уголовно-процессуальной истины – т.е. установления процессуальным путём того круга и объёма обстоятельств, дающих возможность суду вынести решение по уголовному делу.

Такой результат, будучи обозначенным в судебном приговоре, как одном из важнейших судебных актов, разрешающих уголовное дело по существу, после своего вступления в законную силу, презюмируется как истинный.

Доказывание имеет сложную внутреннюю структуру. В науке выделяют элементы процесса доказывания, т.е. его составные части, обозначенные в уголовно-процессуальном законе. Речь идёт о собирании, проверке и оценке доказательств, что следует из нормативной формулировки ч. 1 ст. 86 УПК РФ.

Элементы процесса доказывания, в той или иной степени, пронизывают собой все уровни доказывания.

Собирание доказательств – это элемент процесса доказывания, включающий «отыскание, восприятие и закрепление доказательственной информации» [84, с. 18] – отмечал С.А. Шейфер.

Подобным образом, как «обнаружение, восприятие и фиксацию (закрепление) доказательств» [63, с. 26] определяется в современных учебных пособиях по уголовному процессу собирание доказательств.

Особого внимания заслуживает исследование категории «собирание доказательств», осуществлённое С.А. Шейфером: «Собирание доказательств нельзя рассматривать как завладение уже готовыми, существующими в природе доказательствами. В действительности существуют различные по характеру отпечатки, следы преступления, несущие информацию о нем. Восприятие путем применения надежных процессуальных средств и процессуальное закрепление (сохранение) этой информации и составляют сущность собирания доказательств. Любой способ получения доказательств представляет собой индивидуальную совокупность познавательных приемов, пригодных для восприятия и отображения следов преступления определенного вида. Эти приемы включены в его содержание в качестве процессуальных правил деятельности органов расследования и суда, то есть определенных дозволений и запретов при проведении осмотра, допроса и т.д.» [84, с. 27].

«Обнаружение доказательств – их отыскание, выявление, обращение внимания на те, или иные фактические данные, которые могут приобрести доказательственное значение. Это начальная и необходимая стадия их собирания. Собрать можно только то, что разыскано, обнаружено, стало известным субъекту доказывания» [52, с. 194] – пишет Е.Ю. Павлов.

Под фиксацией доказательств следует понимать их закрепление в процессуальном порядке, установленным в нормах УПК РФ.

Р.С. Белкин давая определение процесса доказывания, на центральное место выдвинул не проверку, а исследование доказательств, под которым понимал «познание следователем или судом содержания доказательств, убеждение в достоверности фактических данных, составляющих содержание доказательств» [12, с. 266].

Подобной позиции придерживается и В.А. Лазарева, которая, соглашаясь с учеными, считающими термин «исследование доказательств» более точным, утверждает, что «проверка доказательств имеет условную самостоятельность» [35, с. 28].

Такие представления о проверке доказательств лишают центральный элемент доказывания самостоятельности, ставят под сомнение само его существование. Как пишет М.А. Михеенкова, «проверка доказательств достаточно часто именуется термином «исследование», сливаясь при этом с оценкой доказательств» [44, с. 26].

Однако следует ли из сказанного, что проверка (именно проверка, а не исследование) доказательств лишается самостоятельности, соединяясь другими структурными элементами доказывания?

Представляется, что данный вопрос должен решаться отрицательно. Следует согласиться с С.А. Шейфером, который в своих работах неоднократно указывал на то, что подобные взгляды «фактически нивелирует доказывание, отождествляя проверку доказательств с другими его элементами – собиранием и оценкой доказательств. При таком подходе и само доказывание приобретает условную самостоятельность, утрачивает значение процессуального института» [82, с. 22].

С.А. Шейфер указывал на ошибочность такого взгляда: «изначально в природе не существует доказательств, существуют лишь следы, оставленные событием и несущие информацию о нем. Воспринимая доказательственную информацию, заключенную в следах, субъекты доказывания преобразуют ее по форме, и лишь в таком виде данная информация становится доказательством в уголовно-процессуальном смысле» [83, с. 23].

Исходя из этого, нельзя признать правоту тех авторов, которые отождествляют проверку доказательств с их исследованием, т.е. познанием содержания.

Все собранные доказательства подлежат тщательной всесторонней и объективной проверке со стороны лица, обладающего властными полномочиями.

Полученные предусмотренным УПК РФ путём сведения становятся предметом их последующей проверки и оценки.

Как указывается П.А. Лупинской, «доказательство может проверяться уже в ходе его получения (например, постановка контрольных вопросов при допросе» [70, с. 256].

Собирание, проверка и оценка доказательств тесным образом взаимосвязаны. Как отмечает Е.А. Доля, в ходе проверки доказательственной информации «создаются условия для возможности осуществления дальнейшего процесса познания по уголовному делу – и самой проверки, и последующей оценки всей совокупности собранных и проверенных доказательств. Как в собирании доказательств уже в зародыше имеются все предпосылки для их последующей полной, всесторонней и объективной проверки, так и проверка содержит предпосылки для оценки совокупности доказательств, обуславливает реальность ее проведения» [18, с. 25].

Таким образом, можно утверждать, что термин «проверка доказательств» используется в юридическом обиходе для обозначения различных понятий.

«С одной стороны, проверка доказательств – это самостоятельный элемент процесса доказывания, следующий за собиранием доказательств и предшествующий их оценке, осуществляемый способами, указанными в ст. 87 УПК РФ. С другой стороны, это проверка информации, осуществляемая непосредственно в ходе ее собирания теми приемами, которые составляют содержание соответствующего процессуального действия, как отмечается в публикациях» [49, с. 197] – пишет К.Н. Николаева.

В первом случае объектом проверки является доказательство в его процессуальном значении (ч. 2 ст. 74 УПК РФ), во втором – объект проверки информация, которой ещё предстоит обрести форму доказательства.

Ключевую же и определяющую для результатов доказывания имеет, конечно же, оценка доказательств.

По мнению М.С. Строговича, «оценка доказательства заключается в выводе о достоверности или недостоверности доказательства... и о доказанности или недоказанности факта, сведения о котором содержатся в данном доказательстве» [65, с. 303].

Оценку доказательств современные исследователи определяют, как «мыслительную (логическую) деятельность по определению относимости, допустимости и достаточности доказательств для принятия того или иного процессуального решения» [63, с. 26].

Сущностное понимание оценки доказательств связано с мыслительной, логической деятельностью должностных лиц, участвующих в процессе доказывания.

При оценке совокупности доказательств, происходит определение того, являются ли сведения, представляющие информативную сущность доказательства, достаточными для обоснования принятия процессуального решения. Особенно важен оценочный вывод субъекта доказывания применительно к обоснованию окончательных выводов по уголовному делу.

В процессе оценки доказательств формируется понимание того, является ли анализируемый комплекс доказательств достоверным и доброкачественным – а значит, процессуально-пригодным для реализации цели установления истины по делу.

Рубежная оценка доказательств подобного плана осуществляется должностными лицами стороны обвинения на переходном этапе движения уголовного дела от досудебного производства – к судебному производству, когда формируются выводы, подлежащие включению в текст итогового обвинительного документа (обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления), а также судом непосредственно по итогам судебного следствия. Здесь справедливый и беспристрастный суд, рассматривающий и разрешающий уголовное дело по первой инстанции

оценивает доказательственную базу, как единую совокупность сведений, отвечающих необходимым требованиям.

1.2 Принципы оценки доказательств

Оценка доказательств, без сомнений, является важнейшей составляющей доказывания по уголовным делам, независимо от их категории. Как и любая другая уголовно-процессуальная деятельность, оценка доказательств осуществляется на основе базовых основ – или принципов уголовного судопроизводства, обозначенных законодателем в главе 2 УПК РФ.

Следует отметить, что к непосредственной оценке доказательств имеет отношение норма принципиального характера, нашедшая своё отражение в ст. 17 УПК РФ – так называемый, принцип свободы оценки доказательств.

Как верно указывает А.П. Лавренко, «принцип свободы оценки доказательств представляет собой оценку доказательств по внутреннему убеждению лица, которое, принимая процессуальное решение, учитывает неповторимую индивидуальность обстоятельств конкретного уголовного дела и каждого из имеющихся доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью» [34, с. 224].

Ряд авторов, анализируя упомянутую уголовно-процессуальную норму, приходят к выводу о том, что в ней обозначено несколько принципов оценки доказательств, неразрывно связанных друг с другом, но, при этом, имеющих самостоятельное значение в общем контексте оценки доказательств при производстве по уголовному делу.

З.З. Зинатуллин и Т.З. Егорова полагают, что в ст. 17 УПК РФ «четко отражены четыре принципа оценки доказательств, взаимосвязанных между собой, каждый из которых имеет специфический смысл и назначение, которые придают ему относительную самостоятельность, к которым можно отнести: оценку доказательств по внутреннему убеждению; оценку, основанную на

всестороннем, полном и объективном исследовании всех доказательств, взятых в их совокупности; оценку, руководствуясь законом и правосознанием; оценку, при которой никакие доказательства для субъектов оценки не имеют заранее установленной силы» [19, с. 59].

В.С. Балакшин, в свою очередь, выделяет пять принципов оценки доказательств: «оценку доказательств по внутреннему убеждению субъекта доказывания; оценку, данную на основании руководства закона и в соответствии с совестью; оценку каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности; оценку на основе полного, всестороннего и объективного исследования всех имеющихся доказательств; оценку доказательств, при которой никакое оцениваемое доказательство для субъекта оценки не имеет заранее установленной силы» [8, с. 77].

Более удачной видится позиция В.И. Крупницкой, которая ведёт речь о двух основных принципах: «свобода оценки доказательств и отсутствие заранее установленной силы доказательств» [31, с. 157].

Несмотря на наименование анализируемой нормы-принципа, речь о свободе оценки идёт лишь в ч. 1 ст. 17 УПК РФ. В ч. 2 ст. 17 УПК РФ законодатель говорит о статусе доказательств, а именно о том, что они не имеют заранее установленной силы.

Сам же принцип свободы оценки доказательств, как резонно замечает Л.К. Капустина, «представляет собой внутреннее убеждение, которое в свою очередь складывается из совокупности доказательств, норм закона и совести» [21, с. 149].

Каждое доказательство, индивидуализируясь применительно к конкретному уголовному делу, должно оцениваться только в контексте конкретных обстоятельств.

Свободная оценка доказательств исключает необходимость определения того, какое доказательство (или какой вид доказательств) является приоритетным и заслуживает большего доверия. Анализируемое нормативное положение предполагает, что уровень интеллектуального и

нравственного развития субъекта доказывания является достаточным для того, чтобы ориентироваться в доказательственной информации, правильно соотносить сведения, имеющие доказательственное значение друг с другом и принимать обоснованные процессуальные решения.

При этом, данный принцип не может и не должен пониматься, как ни на чём не основанный, кроме субъективного восприятия, процесс интеллектуальной деятельности субъекта доказывания. Довод в пользу понимания оценки доказательства исключительно как абсолютно свободной мыслительной деятельности, находящейся в отрыве от нормативного регулирования, опровергается формулировкой ч. 1 ст. 17 УПК РФ, в рамках которой законодатель прямо указывает на то, что субъект доказывания должен при оценке доказательств руководствоваться законом и совестью.

Другими словами, закон является необходимой основой для деятельности по оценке доказательств в уголовном судопроизводстве.

Как верно указывает А.В. Победкин, «требование руководствоваться законом не дискредитирует смысл принципа, который является антиподом системы формальной оценки доказательств и только в таком качестве ценен и имеет смысл. Мыслительная деятельность, которой и является оценка доказательств, не может быть формализована. Она протекает по законам мышления, всегда имеет в своей основе внутреннее убеждение. Точка сопряжения закона и оценки доказательств – не в самой оценке, а в точке соприкосновения подготовки к оценке и самой мыслительной деятельности по определению относимости, допустимости и достаточности доказательств» [53, с. 106].

Вторая, помимо закона, основа для оценки доказательств, на которой акцентировано внимание законодателя – это совесть, что является несомненно правильным.

Важность данного требования предопределяется важностью следования нравственным основам уголовного судопроизводства, а также направлено на

добросовестный подход субъекта доказывания при оценке собранных и проверенных доказательств по уголовному делу.

Но каково содержание рассматриваемого требования, заявленного законодателем в содержании принципа свободы оценки доказательств?

«Совесть – это чувство нравственной ответственности за своё поведение перед другими людьми, обществом» [51, с. 644] – определяет рассматриваемую категорию С.И. Ожегов.

«Совесть – это внутренняя оценка, внутреннее сознание моральности своих моральности поступков, чувство нравственной ответственности за своё прведение» [69, с. 250] – указывает авторский коллектив под редакцией Д.Н. Ушакова.

Второе из приводимых определений представляется более верным, поскольку совесть, как представляется, нравственное чувство, связанное с осознанием морального характера своего поведения, в первую очередь, перед самим собой, а не перед другими членами социума.

В этой связи, руководствоваться при оценке доказательств совестью – означает принятие тех процессуальных решений при оценке доказательств, в правильности и законности которых соответствующее должностное лицо не сомневается и считает единственно верными, неся за них моральную ответственность перед самим собой.

Как резонно замечают специалисты, «совесть не должна мучить того, кто принял уголовно-процессуальное решение. Совесть должна подсказать, что человек не обманул сам себя, не допустил натяжек под нужный или удобный результат, никакие внешние факторы на оценку не повлияли» [53, с. 106].

Таким образом, следование закону и совести не противоречат сущности принципа свободы оценки доказательств, поскольку, по сути, находятся за пределами непосредственной оценки доказательств.

Совесть можно рассматривать в качестве средства оценки результатов мыслительной деятельности по установлению относимости, допустимости и

достаточности доказательств, сквозь призму нравственного, тогда как требования закона позволяют субъекту доказывания следовать правилам формирования совокупности доказательств, подлежащих оценке.

Поэтому следует признать правильность утверждения о том, что «именно совокупность нравственных и процессуальных категорий, встречающаяся при описании принципа оценки доказательств в очередной раз доказывает, что оценка является, как мыслительной, так и процессуальной деятельностью» [21, с. 148].

Использование в ст. 17 УПК РФ оборота «внутреннее убеждение» означает, что правоприменитель оценивает доказательства самостоятельно, не будучи под чьим-либо внешним чужеродным влиянием (включая самого законодателя).

В этом, как представляется, заключается суть указанного принципа оценки доказательств.

Именно поэтому законодатель в ч. 2 ст. 17 УПК РФ подчёркивает отсутствие какой-либо заранее предопределённой силы собранных по делу доказательств, уравнивая их в качестве средства возможного познания истины по данному делу и основы для выводов, влекущих принятие важных процессуальных решений.

Можно резюмировать, что отдельные составляющие (элементы) оценки доказательств, связанные с формированием внутреннего убеждения на основе закона и совести, нецелесообразно разобщать, рассматривая как отдельные принципы оценки доказательств – в своём единстве они образуют принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Второй же принцип оценки доказательств – принцип отсутствия заранее установленной силы доказательств, заключён в ч. 2 ст. 17 УПК РФ.

Таким образом, оценка доказательств в российском уголовном процессе строится на основе двух принципов: принципе свободы оценки доказательств и принципе отсутствия заранее установленной силы доказательств.

1.3 Субъекты оценки доказательств.

Какие же субъекты уголовного судопроизводства выступают субъектами оценки доказательств?

Вполне очевидно, что субъекты оценки доказательств являются, в то же самое время, и субъектами доказывания. Поскольку данная категория, следуя законам логики, входит в объём более общей категории «субъекты доказывания», которая, в свою очередь, входит в содержание ещё более широкой по своему содержанию категории «субъекты уголовного судопроизводства», которые обозначены в разделе II УПК РФ.

Другими словами, каждый субъект доказывания является субъектом уголовного судопроизводства, но не каждый субъект уголовного судопроизводства может выступать субъектом доказывания. Но является ли каждый субъект доказывания, в свою очередь, субъектом оценки доказательств? Данный вопрос не лишён дискуссионной составляющей.

Как пишет В.А. Лазарева, «субъекты доказывания – это не все участники уголовного процесса, а лишь те, которые имеют в нём самостоятельный или представляемый процессуальный интерес. Процессуальный интерес может носить публичный или личный характер» [36, с. 75].

Оценка доказательств – неотъемлемая составляющая процесса доказывания. Наряду с собиранием и проверкой доказательств. О субъектах оценки доказательств (а не доказывания в целом или иной составляющей доказывания) законодатель в первую очередь ведёт речь в анализируемой выше ст. 17 УПК РФ, говоря о том, что оценивают доказательства «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель» (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

В ст. 88 УПК РФ, посвящённой правилам оценки доказательств, законодатель также говорит о субъектах оценки доказательств в более узком контексте определения допустимости доказательств.

Вероятно, по этой причине круг субъектов, нашедших своё отражение в ст. 88 УПК РФ не идентичен ч. 1 ст. 17 УПК РФ – он уже и включает в себя только таких уполномоченных субъектов, как: суд, прокурор, следователь и дознаватель.

По данному вопросу в науке высказывается следующее суждение: «круг субъектов, указанный в ч. 2 ст. 88 УПК РФ, призван оценивать доказательства с позиции допустимости. Однако в этот круг субъектов не включены присяжные заседатели, а это означает, что ими оценка доказательств осуществляется без элемента допустимости. Это обусловлено спецификой полномочий присяжных заседателей – вопросы о недопустимости доказательств разрешаются судьей в отсутствии присяжных заседателей» [24, с. 167].

В этой связи возникает вопрос – правомерно ли считать присяжных заседателей субъектами оценки доказательств? И каков в таком случае круг субъектов оценки доказательств по уголовным делам?

По мнению В.В. Терехина, «субъектом права на установление допустимости доказательств должен быть только суд» [68, с. 190]. Данное мнение основано на выводе о необязательности для суда того вывода, к которому пришёл прокурор, следователь или дознаватель, оценивая доказательство в рамках производства по уголовному делу.

Вышеуказанная позиция представляется резонной по ряду аспектов.

Во-первых, на практике довольно часто именно суд выступает в роли субъекта оценки доказательств в части, касающейся решения вопросов о допустимости доказательств. Такое решение на досудебных этапах уголовного процесса должностными лицами стороны обвинения принимаются редко – оно, как правило, имеет место уже в судебном производстве и принимается судом, рассматривающим и разрешающим дело по существу. От части такая ситуация обусловлена стратегией стороны защиты заявлять соответствующее ходатайство о признании доказательства недопустимым не следователю или дознавателю, представляющим сторону обвинения, а суду,

выступающему, априори, независимым субъектом уголовного судопроизводства.

Во-вторых, как пишет В.С. Балакшин, «регламентация процедуры признания доказательств недопустимыми на стадии предварительного расследования практически отсутствует, в отличие от судебной стадии» [7, с. 128].

Л.К. Капустина также отмечает, что «признание доказательства недопустимым по собственной инициативе следователя или дознавателя в действующем законодательстве регламентировано недостаточно, также, как и процедура признания доказательств недопустимыми, осуществляемая прокурором» [24, с. 168].

В-третьих, как верно указывает С.В. Шевченко, «именно деятельность судьи, в большей степени связана с оценкой представленных сторонами доказательств по уголовному делу. Эта оценка дает возможность сделать главный вывод о доказанности или недоказанности фактов, относящихся к устанавливаемым по делу обстоятельствам» [81, с. 216].

Однако, авторы в большинстве своём, касаются итоговой оценки доказательств, осуществляемой судом, но на различных этапах производства по уголовному делу имеет место, так называемая, «промежуточная» оценка доказательств, осуществляемая должностными лицами стороны обвинения, имеющая определённое процессуальное значение.

В этой связи, М.В. Маслова, отмечает, что, несмотря на то, что «оценку доказательств в уголовном судопроизводстве может осуществлять любой его участник, включая сторону защиты, юридическое значение для разрешения конкретного уголовного дела, а главное, для определения дальнейшей судьбы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, имеет оценка доказательств, осуществляемая либо судьей единолично, либо коллегией судей, а также стороной обвинения в лице прокурора, следователя и дознавателя» [42, с. 93].

Не считает суд единоличным субъектом оценки доказательств и А.В. Гарусов, относя к субъектам оценки доказательств достаточно широкий

круг участников уголовного процесса: «не только судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя, дознавателя, как предусмотрено ч. 1 ст. 17 и ч. 2 ст. 88 УПК РФ, но и руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, защитника, подозреваемого, обвиняемого, законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и его представителя, представителей потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя» [16, с. 61].

И.И. Белохортов пишет о том, что «вряд ли оценка доказательств должна связываться только с мыслительной деятельность субъектов, наделённых властными полномочиями, оценка доказательств – мыслительная деятельность, присущая и иным участникам производства по уголовным делам» [13, с. 25].

Т.Ю. Денисов и А.А. Шамардин выделяют три группы субъектов оценки доказательств: «субъектов оценки доказательств со стороны обвинения, к числу которых относятся прокурор, следователь, начальник следственного отдела, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, а также их представители и законные представители; субъектов уголовно-процессуального доказывания со стороны защиты, к которым относятся: подозреваемый, обвиняемый, их защитники и (или) законные представители, гражданский ответчик, его представитель; суд как орган, осуществляющий правосудие и разрешающий уголовное дело по существу» [17, с. 244].

Несмотря на то, что с момента создания цитируемой авторской классификации круг участников уголовного судопроизводства несколько изменился, общая логика авторского подхода вполне понятна. Как представляется, здесь имеет место определённое отождествление субъектов доказывания и субъектов оценки доказательств. Да, бесспорно, что каждый субъект доказывания, даже не обладая какими-либо властными полномочиями, способен путём логических операций оценить то, или иное

доказательство, а также оказать влияние на принятие должностными лицами, имеющими властные полномочия, процессуальных решений, в контексте оценки доказательств, посредством заявления ходатайств. Тем не менее, удовлетворение таких ходатайств не является обязанностью соответствующих субъектов доказывания.

Как верно отмечают отдельные авторы, «включать данную категорию субъектов в статьи УПК РФ, регламентирующие вопросы оценки доказательств, представляется излишним, что нельзя сказать о других субъектах оценки, уполномоченных принимать процессуальные решения» [24, с. 170].

В случае же с присяжными заседателями суд обязан выносить процессуальное решение на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

«Оценка допустимости и достоверности находятся за пределами компетенции присяжных заседателей. Однако это не означает, что присяжные заседатели не являются субъектами оценки доказательств, поскольку, разрешая вопросы «факта», подвергают процессу оценки свойства доказательств в пределах своей компетенции» [22, с. 72] – пишут специалисты.

Тем не менее, столь широкий круг субъектов доказывания действительно можно считать субъектами оценки доказательств только лишь в широком смысле, несмотря на мнения отдельных авторов, приведённые выше. Субъектами оценки доказательств в узком смысле слова могут быть лишь те субъекты доказывания, результат оценки которых непосредственно обуславливает принятие решений, имеющих уголовно-процессуальное значение.

Таким образом, к числу субъектов оценки доказательств в узком смысле можно отнести лишь таких субъектов доказывания, которые наделены соответствующими полномочиями: судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя.

По итогам первой главы исследования можно сделать следующие основные выводы.

Как представляется, понятие доказывания является одной из базовых и определяющих категорий в соответствующей области научного знания и уголовно-процессуальной практики. К сожалению, в действующем УПК РФ определение соответствующего понятия отсутствует, что предопределяет наличие широкого спектра мнений по данному вопросу в уголовно-процессуальной науке.

Думается, что в качестве краткого определения доказывания можно предложить следующее: под доказыванием следует понимать непосредственную и опосредованную уголовно-процессуальным законом практико-мыслительную деятельность должностных лиц стороны обвинения и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Можно констатировать, что установление истины следует рассматривать, как идеальный результат доказывания. Фактическим же результатом уголовно-процессуального доказывания выступает достижение уголовно-процессуальной истины – т.е. установления процессуальным путём того круга и объёма обстоятельств, дающих возможность суду вынести решение по уголовному делу.

Доказывание имеет сложную внутреннюю структуру. В науке выделяют элементы процесса доказывания, т.е. его составные части, обозначенные в уголовно-процессуальном законе. Речь идёт о собирании, проверке и оценке доказательств.

Сущностное понимание оценки доказательств связано с мыслительной, логической деятельностью должностных лиц, участвующих в процессе доказывания.

При оценке совокупности доказательств, происходит определение того, являются ли сведения, представляющие информативную сущность доказательства, достаточными для обоснования принятия процессуального

решения. Особенно важен оценочный вывод субъекта доказывания применительно к обоснованию окончательных выводов по уголовному делу.

В процессе оценки доказательств формируется понимание того, является ли анализируемый комплекс доказательств достоверным и доброкачественным – а значит, процессуально-пригодным для реализации цели установления истины по делу.

Как и любая другая уголовно-процессуальная деятельность, оценка доказательств осуществляется на основе базовых основ – или принципов уголовного судопроизводства, обозначенных законодателем в главе 2 УПК РФ.

Можно резюмировать, что отдельные составляющие (элементы) оценки доказательств, связанные с формированием внутреннего убеждения на основе закона и совести, нецелесообразно разобщать, рассматривая как отдельные принципы оценки доказательств – в своём единстве они образуют принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Второй же принцип оценки доказательств – принцип отсутствия заранее установленной силы доказательств, заключён в ч. 2 ст. 17 УПК РФ.

Таким образом, оценка доказательств в российском уголовном процессе строится на основе двух принципов: принципе свободы оценки доказательств и принципе отсутствия заранее установленной силы доказательств.

Относительно круга субъектов оценки доказательств, ряд авторов выделяет в качестве таковых широкий круг участников уголовного судопроизводства. Как представляется, здесь имеет место определённое отождествление субъектов доказывания и субъектов оценки доказательств. Да, бесспорно, что каждый субъект доказывания, даже не обладая какими-либо властными полномочиями, способен путём логических операций оценить то, или иное доказательство, а также оказать влияние на принятие должностными лицами, имеющими властные полномочия, процессуальных решений, в контексте оценки доказательств, посредством заявления

ходатайств. Тем не менее, удовлетворение таких ходатайств не является обязанностью соответствующих субъектов доказывания.

Широкий круг субъектов доказывания действительно можно считать субъектами оценки доказательств только лишь в широком смысле. Субъектами оценки доказательств в узком смысле слова могут быть лишь те субъекты доказывания, результат оценки которых непосредственно обуславливает принятие решений, имеющих уголовно-процессуальное значение.

Таким образом, к числу субъектов оценки доказательств в узком смысле можно отнести лишь таких субъектов доказывания, которые наделены соответствующими полномочиями: судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя.

Глава 2 Критерии оценки доказательств

2.1 Относимость доказательств

Информационно-удостоверительная сущность доказательств выражается в тех свойствах, которыми в соответствии с положениями раздела III УПК РФ должны обладать доказательства: свойствах относимости, допустимости и достоверности.

Отдельные специалисты говорят о том, что «атрибутивными (необходимыми) свойствами доказательств являются только относимость и допустимость доказательств» [5, с. 206], оставляя свойство достоверности исключённым из данного ряда, однако, с данной позицией сложно согласиться.

Все перечисленные категории выступают критериями оценки доказательств, являющейся «венцом» доказывания – подводящим итог доказывания в целом.

Тем не менее, из всех предусмотренных законом критериев оценки доказательств в формализованы именно относимость и допустимость.

Как указывают специалисты, «способность доказательств устанавливать наличие или отсутствие искомых по делу обстоятельств получила в теории судопроизводства название относимости доказательств» [63, с. 73].

Данное свойство – неотъемлемый атрибут любого уголовно-процессуального доказательства. Другими словами, если сведения, составляющие информационное содержание доказательства, не имеют никакой связи с искомыми по уголовному делу обстоятельствами, то они не могут получить статус уголовно-процессуального доказательства, даже если будут отвечать свойствам допустимости и достоверности.

Как указывают специалисты, «относимыми будут доказательства, содержание которых указывает как на существование обстоятельств, подлежащих доказыванию, так и свидетельствует об их отсутствии» [15, с. 26].

Но данное свойство доказательства не всегда очевидно и несомненно. В ряде ситуаций относимость доказательства может быть вероятностной, будучи основанной на предположении субъекта доказывания о том, что данные сведения могут помочь в установлении истины по делу.

Формализация свойства относимости обуславливается ст. 73 УПК РФ, в которой законодателем очерчен предмет доказывания. Только те сведения, которые включают в себя информацию, прямо или опосредованно связанную с обстоятельствами, подлежащими доказыванию, являются соответствующими требованию относимости.

Относимость доказательства определяется главным образом по тому, входит ли обстоятельство, которое может быть выяснено с помощью этого доказательства, в предмет доказывания по делу, а также способно ли доказательство по своему содержанию служить установлению этого обстоятельства.

Как пишет В.С. Балакшин, относимость характеризует доказательство «с точки зрения наличия временной, пространственной и причинно-следственной связи сведений, содержащихся в источнике, с обстоятельствами, имеющими значение для дела, а источник сведений о фактах – с точки зрения обоснованности приобщения его к уголовному делу» [9, с. 9].

При этом, законодатель никак не регламентирует порядок признания сведений не относимыми.

В чём состоит необходимость данного атрибута доказательства – вполне очевидно. Как указывает С.В. Корнакова, «только относимые к делу доказательства могут служить средством установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, где последние являются целью познания в ходе доказывания» [29, с. 70].

Не имеет принципиального значения, к каким именно обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ), конкретные сведения относятся. Значимо в принципиальном плане является отношение сведений к расследуемому противоправному деянию.

«При отсутствии относимости использование информации по конкретному делу бессмысленно, поскольку доказательственного значения она не будет иметь» [64, с. 200] – пишут А.Б. Соловьёв и М.Е. Токарева.

Таким образом, в уголовном процессе относимыми будут являться доказательства, на основе которых могут быть установлены или опровергнуты указанные в ст. 73 УПК РФ обстоятельства, входящие в предмет доказывания.

Каждое из свойств доказательства обладает самостоятельным содержанием и значением. Поэтому при установлении соотношения этих свойств следует учитывать их различия и не допускать их смешения или подмены одного другим.

2.2 Допустимость и достоверность доказательств

Допустимость и достоверность доказательств – это качественные по своей сути атрибуты доказательства, определяющие возможность использования сведений в уголовно-процессуальном качестве доказательства.

В широком смысле допустимость доказательств означает законность его получения и использования. Ст. 75 УПК РФ отдельно посвящена данному свойству доказательств. При этом, законодатель, характеризуя данный атрибут доказательства, в указанной норме ведёт речь «от обратного», говоря не о том, какие доказательства являются допустимыми, а о том, какие являются недопустимыми, очерчивая спектр ситуаций, влекущих утрату сведениями, облечёнными в процессуальную форму, возможности иметь доказательственное значение.

В соответствии с указанной нормой, недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любых обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела.

Другими словами, недопустимые сведения, несмотря на соответствие критерию относимости, не могут получить процессуальный статус доказательства при производстве по уголовному делу.

В соответствии с правилами оценки доказательств, «доказательство, признанное недопустимым, не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление» (ч. 3 ст. 88 УПК РФ).

Как представляется, одним из важнейших моментов в работе с доказательственными сведениями, проводимой субъектом доказывания, наделённым властными полномочиями, является установление их достоверности.

Свойство достоверности упомянуто законодателем в тексте ч. 1 ст. 88 УПК РФ, при регламентации правил оценки доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

При этом, что подразумевается под достоверностью доказательства, не конкретизируется. Каким же образом определить категорию достоверности доказательства? Данный вопрос вызывает дискуссию многие десятилетия.

Я.М. Яковлев полагал, что «особенностью достоверного знания является возможность проверки полученных объективных данных» [85, с. 17].

Л.М. Карнеева понимает под данным свойством «соответствие доказательств объективной действительности» [25, с. 47].

Похожее определение сформулировано В.С. Балакшиным, который под свойством достоверности понимает «соответствие сведений, содержащихся в источнике, обстоятельствам, которые имели место в действительности» [9, с. 9].

А.И. Копьева определяет достоверность как «обоснованное знание, под которым понимается не только приведение доказательств в принимаемых следователем и судом актах, но и анализ содержания этих доказательств,

объяснение, почему одни доказательства признаны достоверными, а другие недостоверными и какой совокупностью доказательств подтверждается сделанный соответствующим правоохранительным органом вывод» [28, с. 35].

А.В. Сердюков и Ю.А. Колотова констатируют, что «понятие достоверности включает в себя как истинность знания, то есть его соответствие объективной действительности, так и обоснование данной истинности, адресованное соответствующему субъекту» [62, с. 30].

При таком подходе соединяются и объективные и субъективные аспекты, находящиеся в тесной взаимосвязи: объективное находит своё отражение в субъективном восприятии субъекта доказывания.

И.С. Кустов пишет о том, что «достоверность выводов в уголовно-процессуальной деятельности зависит не только от предмета и объема познания, но и от средств, способов, условий, в которых происходит процесс самого познания» [33, с. 195].

К.Д. Вишневский и Н.В. Поляков считают, что «достаточность доказательства (или их совокупности) – означает, что они позволяют сделать достоверный вывод о существовании факта, в подтверждение которого они собраны. Если такого вывода сделать нельзя, то это указывает на недостаточность доказательств или их совокупности. Так, единичное косвенное доказательство всегда является недостаточным, поскольку позволяет сделать лишь предположительный, а не достоверный вывод о доказываемом факте. Недостаточными будут также доказательства, противоречащие друг другу, и те, достоверность которых сомнительна (показания заинтересованного свидетеля, объяснения сторон, не подкрепленные другими данными, и т.п.)» [15, с. 26].

При этом, следует помнить о том, что достоверность отдельного доказательства и достоверность вывода, имеющего значение для разрешения дела – это далеко не одно и то же.

Конкретное уголовно-процессуальное доказательство, в большинстве своём, характеризует какой-то определённый аспект анализируемого в рамках

работы с уголовным делом события. Для формирования же мнения о достоверности события в целом – как правило, требуется отдельно взятый аспект исследуемого события и не может быть положено совокупность доказательств.

Сам же процесс формирование достоверного вывода не является единомоментным – зачастую, он имеет достаточную протяжённость во времени, охватывая разные этапы производства по делу и окончательно реализуется в рамках судебного следствия.

Современный уголовный процесс, выводя на передний план в доказывании свойство допустимости доказательства, искусственно разделяя её с достоверностью, создаёт предпосылки для принятия процессуальных решений, основанных на «внешне» допустимых доказательствах, которые не отвечают свойству достоверности.

Такого рода «искусственный» разрыв между двумя свойствами доказательств, продиктованный формулировками норм УПК РФ, а также отсутствующий механизм одновременной оценки достоверности и допустимости доказательств приводят к нарушению прав и свобод граждан в процессе уголовного судопроизводства.

Отдельные специалисты [9] пишут о том, что первичной является оценка допустимости доказательства, а вторичной – оценка его достоверности. Соответственно, данная позиция предполагает, что только те сведения, которые правоприменитель уже счёл допустимыми, могут стать предметом оценки достоверности. Данное мнение основано на законодательном подходе, который, как уже было ранее указано, обязательными свойствами доказательств именует лишь относимость и допустимость.

В.С. Балакшин не просто отделяет допустимость и достоверность доказательств, но и пишет о недопустимости их смешения и ущербе такого подхода для задач доказывания [9, с. 9].

Придерживаясь озвученного подхода и подчеркивая самостоятельность каждого из упомянутых свойств, Т.И. Шаповалова и Е.В. Бондар отмечают,

что «допустимость, достоверность являются не соподчиненными свойствами одного и того же явления; сначала оценивается допустимость, поскольку сведения должны быть собраны в установленном порядке; затем – достоверность» [80, с. 101].

Тем не менее, указанные специалисты подчёркивают наличие тесной и непосредственной взаимосвязи данных свойств: «только допустимое доказательство может быть достоверным или не достоверным» [80, с. 101].

Р.Г. Непранов аналогичным образом считает, что последовательность оценки доказательств важна – «невозможно оценивать с позиции достоверности те доказательства, что были признаны недопустимыми. Оценке с точки зрения достоверности должны подвергаться лишь те доказательства, которые ранее были признаны допустимыми» [47, с. 51].

Более правильным видится подход, высказанный И.В. Абросимовым, который указывает на целостность обозначенных свойств, полагая, что «правила и тактические приемы обеспечения достоверности доказательств могут стать гарантией допустимости и наоборот» [1, с. 25].

Как верно резюмирует Л.К. Капустина, «высказывание о доказательствах допустимых, но не достоверных может претендовать на статус «оксюморона» доказывания. Однако, к сожалению, в современных реалиях оно абсолютно справедливо, поскольку отражает действительность правоприменительной практики» [23, с. 388].

Оценка допустимости доказательств при отсутствии нормативных основ оценки такого свойства, как достоверность, создают ситуацию, при которой субъекты доказывания игнорируют анализ свойства достоверности, что не соответствует задаче достижения назначения уголовного судопроизводства и повышению эффективности расследования.

В судебной практике можно найти правовые ситуации, связанные с наличием нарушений уголовно-процессуального закона, оказывающих влияние на достоверность доказательств. Результатом подобного влияния

становится принятие уголовно-процессуальных решений, ущемляющих права и свободы лиц, не подлежащих привлечению к уголовной ответственности.

Мещанским районным судом г. Москвы признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса РФ [73] (УК РФ), бывшие сотрудники полиции С. и А. Потерпевшими по данному делу являются Ч. и П. Из смысла приговора становится понятно, что в результате превышения С. и А. должностных полномочий потерпевшим Ч. и П. были причинены «тяжкие последствия в виде незаконного уголовного преследования и длительного лишения свободы в период заключения под стражу, нарушения конституционного права на свободу и личную неприкосновенность» [57].

Ранее основаниями для привлечения к уголовной ответственности Ч. и П. явились доказательства, полученные с нарушением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [76], а также показания Р., которые не соответствовали действительности, а были подготовлены сотрудниками полиции С. и А. от имени Р. Постановлением президиума Московского городского суда ранее вынесенное апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда [4] в отношении Ч. и П. было отменено [55].

Допустимые доказательства, которые являлись недостоверными, не помешали в суде первой и апелляционной инстанции принять решение о виновности лиц в совершении преступления, которое ими не совершалось. Подобного рода решения подтверждают негативный характер ситуации, при которой свойство допустимости и достоверности разделяются и отдаляются друг от друга, становясь автономными.

Приведём ещё один пример из судебной практики: из постановления президиума Тверского областного суда очевидно, что при расследовании уголовного дела по ч. 1 ст. 222 УК РФ в отношении Л. требования Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» формально соблюдены не были. Напомним, что абз. 2 п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ «Об оперативно-

розыскной деятельности» при изъятии документов, предметов, материалов при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий обязывает должностное лицо, осуществившее изъятие, составить протокол в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации [56].

По рассматриваемому уголовному делу данные требования закона формально соблюдены не были: был составлен акт при изъятии патронов в жилище Л. Президиум Тверского областного суда данное нарушение существенным не признал, сославшись на отсутствие обстоятельств, ставящих под сомнение законность и достоверность отраженных в акте сведений, а также, аргументируя свое решение, сослался на тот факт, что «оперативно-розыскное мероприятие проведено на основании судебного решения, в его проведении участвовали двое незаинтересованных лиц, которые удостоверили ход и результаты мероприятия, сам Л. также участвовал в данном мероприятии, каких-либо замечаний не имел».

Таким образом, в отечественной судебной практике имеются случаи, когда нарушения закона при собирании доказательств происходят по причине имеющихся изначально недостоверных сведений, претендующих на статус доказательств.

По мнению Л.К. Капустиной «выявленное нарушение закона при получении доказательства может сигнализировать о недостоверности информации, в нем содержащейся. И именно такие нарушения, которые повлияли или могли повлиять на достоверность сведений, представляют особую опасность для целей доказывания» [23, с. 389].

Следствием указанных обстоятельств является то, что внешне допустимые доказательства, не являющиеся достоверными, могут стать основой для уголовно-процессуальных решений.

Как же следует соотносить допустимость и достоверность доказательств в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства?

Так, ст. 75 УПК РФ в контексте недопустимости доказательств могла бы содержать указание на нарушения, которые повлияли или могли повлиять на достоверность полученных фактических данных. Таким образом, первую часть ч. 1 ст. 75 УПК РФ можно изложить в следующей редакции: «Сведения, полученные с нарушением требований закона, которое повлияло или могло повлиять на их достоверность, признаются недопустимыми в качестве доказательств. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьёй 73 настоящего Кодекса».

Как представляется, для обеспечения более чёткого понимания содержания и значения проанализированных свойств относимости, допустимости и достоверности доказательств, понятия данных категорий стоит нормативно обозначить в соответствующих уголовно-процессуальных нормах, посвящённых доказательствам и доказыванию, как это сделано зарубежным законодателем в уголовно-процессуальном законе ряда стран СНГ.

2.3 Достаточность совокупности доказательств для принятия решения

Каждое уголовно-процессуальное доказательство, обладая собственным значением для правильного разрешения уголовного дела, одновременно выступает частью совокупности доказательств, достаточной для принятия обоснованного процессуального решения.

Данный аспект находит своё отражение в уже упомянутой ранее ч. 1 ст. 88 УПК РФ, при регламентации правил оценки доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела».

«Достаточность доказательств означает, что собранные по делу сведения позволяют полно и объективно исследовать все обстоятельства уголовного дела без привлечения дополнительных информационных средств и проведения дополнительных следственных и судебных действий» [10, с. 53] – указывается специалистами.

«Достаточность совокупности доказательств» – категория относительная, поскольку отличается применительно к установлению различных обстоятельств по уголовным делам.

Это связано с тем, что одни процессуальные решения могут быть приняты, когда имеющихся в наличии доказательств достаточно для предположительного вывода (они дают основание полагать о наличии или возможности наступления каких-либо обстоятельств). Например, таковой является принятие процессуального решения о применении меры пресечения, на что содержится указание в ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

В других случаях достаточность доказательств оценивается в зависимости от того, приводит ли имеющаяся совокупность уголовно-процессуальных доказательств к убеждению субъекта доказывания в доказанности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу (например, обвинительный вердикт – п. 5 ч. 3 ст. 340 УПК РФ, обвинительный приговор – ч. 4 ст. 302 УПК РФ).

С категорией «достаточная совокупность доказательств» тесно связана категория «пределы доказывания».

Если предмет доказывания представляет собой комплекс обстоятельств, установление которых дает возможность правильно разрешить уголовное дело, то пределы доказывания – это круг, объем конкретных уголовно-процессуальных доказательств, необходимых для установления искомых обстоятельств.

Пределы доказывания указывают на достаточность доказательств для принятия обоснованного уголовно-процессуального решения субъектом доказывания. При этом, пределы доказывания являются оценочной категорией

и определяются по каждому конкретному уголовному делу в зависимости от имеющихся конкретных доказательств, по внутреннему убеждению, субъекта доказывания, обладающего властными полномочиями.

Законодатель прямо говорит о том, что для признания виновности лица, на которое направлено уголовное преследование, не достаточно одного доказательства – в основе уголовно-процессуального подтверждения виновности должна находиться совокупность доказательств: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств» (ч. 4 ст. 302 УПК РФ).

По этой причине признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении иными доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела.

Соответствующее указание на данный счёт содержится в правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в п. 17 Постановления № 55 от 29.11.2016 г.: «Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора» [54].

Таким образом, разрешение дела лишь на основе одиночного доказательства невозможно, для этого необходима совокупность таковых. Однако, сколько именно доказательств должно быть в наличии, чтобы следователь или дознаватель мог счесть дело успешно расследованным, а суд мог вынести обоснованный и мотивированный судебный приговор, законодатель не конкретизирует. Это оправданно, поскольку обратное противоречило бы логике доказывания и его гносеологическим основам. Каждое событие преступления слишком индивидуально, независимо от того, что имеются общие аспекты, объединяющие преступления одной категории,

чтобы можно было формализовать точное число доказательств, образующих совокупность, достаточную для разрешения уголовного дела.

Таким образом, критерий достаточности доказательств при постановлении обвинительного приговора, является субъективным.

Отдельные авторы определяют достаточную совокупность доказательства следующим образом: «достаточной будет считаться такая совокупность доказательств, которая с достоверностью подтверждает наличие всех элементов состава преступления: объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны, а также доказанности каждого элемента в отдельности» [49, с. 197].

М.С. Строгович пишет о достаточности доказательств, как о такой совокупности доказательств, которая «убедительно с абсолютной достоверностью удостоверяет виновность обвиняемого» [65, с. 105].

В соответствии с законами логики, утверждение может быть признано обоснованным лишь в том случае, когда в основе данного утверждения есть достаточное основание.

Таким образом, признание лица виновным в совершении преступления может быть признано обоснованным и, априори, истинным, когда в материалах уголовного дела есть достаточная совокупность доказательств, которую можно охарактеризовать следующими критериями:

- виновность может быть подтверждена только рядом доказательств, общая численность которых формально не определена;
- доказательства должны отвечать свойствам относимости, допустимости и достоверности;
- по уголовному делу исследованы все возникшие версии, а имеющиеся противоречия выяснены и им дана соответствующая оценка;
- доказательства подтверждают наличие всех элементов состава преступления и создают доказанность всех элементов, составляющих предмет доказывания.

По итогам второй главы исследования можно сделать следующие основные выводы.

Информационно-удостоверительная сущность доказательств выражается в тех свойствах, которыми в соответствии с положениями раздела III УПК РФ должны обладать доказательства: свойствах относимости, допустимости и достоверности.

Все перечисленные категории выступают критериями оценки доказательств, являющейся «венцом» доказывания – подводящим итог доказывания в целом. Тем не менее, из всех предусмотренных законом критериев оценки доказательств в формализованы именно относимость и допустимость.

Относимость – неотъемлемый атрибут любого уголовно-процессуального доказательства. Другими словами, если сведения, составляющие информационное содержание доказательства, не имеют никакой связи с искомыми по уголовному делу обстоятельствами, то они не могут получить статус уголовно-процессуального доказательства, даже если будут отвечать свойствам допустимости и достоверности.

Допустимость и достоверность доказательств – это качественные по своей сути атрибуты доказательства, определяющие возможность использования сведений в уголовно-процессуальном качестве доказательства.

В широком смысле допустимость доказательств означает его законность. Ст. 75 УПК РФ отдельно посвящена данному свойству доказательств. При этом, законодатель, характеризуя данный атрибут доказательства, в указанной норме ведёт речь «от обратного», говоря не о том, какие доказательства являются допустимыми, а о том, какие являются недопустимыми, очерчивая спектр ситуаций, влекущих утрату сведениями, облечёнными в процессуальную форму, возможности иметь доказательственное значение.

Понятие достоверности включает в себя как истинность знания, то есть его соответствие объективной действительности, так и обоснование данной истинности, адресованное соответствующему субъекту.

Оценка допустимости доказательств при отсутствии нормативных основ оценки такого свойства, как достоверность, создают ситуацию, при которой субъекты доказывания игнорируют анализ свойства достоверности, что не соответствует задаче достижения назначения уголовного судопроизводства и повышению эффективности расследования.

Как представляется, для обеспечения более чёткого понимания содержания и значения проанализированных свойств относимости, допустимости и достоверности доказательств, понятия данных категорий стоит нормативно обозначить в соответствующих уголовно-процессуальных нормах, посвящённых доказательствам и доказыванию, как это сделано зарубежным законодателем в уголовно-процессуальном законе ряда стран СНГ.

«Достаточность совокупности доказательств» – категория относительная, поскольку отличается применительно к установлению различных обстоятельств по уголовным делам.

Законодатель прямо говорит о том, что для признания виновности лица, на которое направлено уголовное преследование, не достаточно одного доказательства – в основе уголовно-процессуального подтверждения виновности должна находиться совокупность доказательств.

Таким образом, разрешение дела лишь на основе одиночного доказательства невозможно, для этого необходима совокупность таковых. Однако, сколько именно доказательств должно быть в наличии, чтобы следователь или дознаватель мог счесть дело успешно расследованным, а суд мог вынести обоснованный и мотивированный судебный приговор, законодатель не конкретизирует. Это оправданно, поскольку обратное противоречило бы логике доказывания и его гносеологическим основам.

Каждое событие преступления слишком индивидуально, независимо от того, что имеются общие аспекты, объединяющие преступления одной категории, чтобы можно было формализовать точное число доказательств, образующих совокупность, достаточную для разрешения уголовного дела. Таким образом, критерий достаточности доказательств при постановлении обвинительного приговора, является субъективным.

В соответствии с законами логики, утверждение может быть признано обоснованным лишь в том случае, когда в основе данного утверждения есть достаточное основание.

Таким образом, признание лица виновным в совершении преступления может быть признано обоснованным и, априори, истинным, когда в материалах уголовного дела есть достаточная совокупность доказательств.

Глава 3 Проблемные аспекты оценки доказательств и пути их решения

3.1 Проблемы доказательств и доказывания на стадии возбуждения уголовного дела

Возбуждение уголовного дела является первичным этапом производства по уголовному делу в отечественном уголовном судопроизводстве.

Как справедливо отмечает Б.М. Сергеев «возбуждение уголовного дела один из составляющих аспектов досудебного производства, есть ни что иное, как отлаженная законодательством деятельность, способствующая получению и оформлению сведений о преступлении, а в некоторых случаях – по проверке наличия в таких сведениях оснований, чтобы иметь возможность начать предварительное расследование, а после по принятию решения о возбуждении уголовного дела или отказе в таковом» [61, с. 59].

Сердцевиной стадии возбуждения уголовного дела является проверка информации о совершённом преступлении и принятие процессуального решения уполномоченным должностным лицом, основанное на результатах проведённой проверки.

По сути, собирание доказательств и доказывание не входит в задачи данного этапа, но, вполне очевидно, что «данная стадия уголовного процесса способствует своевременному обнаружению и закреплению необходимых доказательств» [20, с. 323] и познание на данной стадии, как и в уголовном судопроизводстве в целом, происходит опосредованно: при помощи доказательств.

Процесс доказывания на обозначенном этапе уголовно-процессуальной деятельности сопряжён с рядом проблем, многие из которых обусловлены несовершенством нормативного регулирования процессуальной деятельности на рассматриваемой стадии уголовного процесса.

Способы проверки информации о преступлении обозначены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, однако, законодатель сделала это весьма лаконично, в результате чего в законе недостаточно урегулирован процессуальный порядок получения сведений, связанных с проверкой сообщения о преступлении, и создана основа для проблематичности последующего использования результатов проверочных действий в качестве доказательств.

В частности, результаты опроса, проводимого в рамках проверки сообщения о преступлении, без соответствующей конкретизации процессуального порядка их получения, имеют лишь ориентирующий характер. В качестве доказательств их использовать проблематично, хотя не исключены случаи, когда объяснения нужны в материалах уголовного дела именно в качестве доказательства.

На практике могут возникать ситуации, при которых ранее опрошенное лицо невозможно допросить на этапе предварительного расследования в соответствующем процессуальном статусе – например, когда лицо ушло из жизни, или допросить его не представляется возможным в связи с отъездом за рубеж.

Думается, что объяснения могут быть использованы в процессе доказывания в качестве такой разновидности доказательств, как иные документы, однако, сам процессуальный порядок получения объяснений и закрепления полученного результата следует определить и включить в текст УПК РФ, для обеспечения соответствия полученных таким образом сведений критерию допустимости, без соблюдения которого не может идти речь о применении чего-либо в процессе доказывания.

Только нормативное определение порядка получения объяснений и их закрепления могут создавать необходимую основу для использования объяснений в качестве иного документа в процессе доказывания.

Нормативная регламентация получения образцов для сравнительного исследования также не лишена недостатков. Регламентируя получение образцов для сравнительного исследования, применительно к стадии

возбуждения уголовного дела, неправомерно говорить о вещественных доказательствах, однако законодатель указывает, что должностное лицо вправе получить образцы для сравнительного исследования «у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах» (ч. 1 ст. 202 УПК РФ), хотя вещественные доказательства в процессуальном смысле этого понятия могут возникнуть только после возбуждения уголовного дела.

Резюмируя сказанное, представляется целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 202 УПК РФ и изложить её в следующей редакции:

«Следователь вправе получить образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с частью первой статьи 144 настоящего Кодекса у иных физических лиц и представителей юридических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на определённом объекте, и составить протокол в соответствии со статьями 166 и 167 настоящего Кодекса, за исключением требования об участии понятых. Получение образцов для сравнительного исследования может быть произведено до возбуждения уголовного дела».

Что касается такого способа проверки сообщения о преступлении, как исследование трупа, то обращает на себя внимание следующий момент – этот способ приводится законодателем в ч. 1 ст. 144 УПК РФ наряду с возможностью назначения и производства судебной экспертизы.

То есть уполномоченным субъектам предоставлена возможность выбора того, что именно делать в конкретной ситуации – назначать судебную экспертизу, или же ограничиться исследованием. Но основа, или ориентир, для такого выбора в тексте ст. 144 УПК РФ не приводится.

Некоторые авторы полагают, что «при наличии выбора проведения экспертизы или исследования следователь или дознаватель вправе выбрать то или иное проверочное действие в зависимости от исходной ситуации при

проводимой проверке, целесообразности конкретных процессуальных действий и их доказательственной эффективности» [78, с. 56].

Тем не менее, разграничить данные ситуации представляется проблематичным, так как различия между судебно-медицинской экспертизой и исследованием трупа минимальны – содержательная сходность создаёт объективные трудности в выборе для правоприменителя.

Кроме того, следует обратить внимание на случаи обязательного назначения судебной экспертизы, которые обозначены законодателем в ст. 196 УПК РФ, к числу которых относится установление причины смерти. Получается, что данное нормативное положение обязывает соответствующее должностное лицо на этапе доследственной проверки инициировать назначение именно судебной экспертизы для решения данной задачи, а не производить исследование трупа – обратное противоречит недвусмысленному императиву ст. 196 УПК РФ.

Тем не менее, исследование трупа до принятия решения о возбуждении уголовного дела, вероятнее всего, может быть направлено именно на решение вопроса об установлении причины смерти, от ответа на который будет зависеть итоговое процессуальное решение о возбуждении, либо отказе в возбуждении уголовного дела (если причина смерти не носит криминальный характер).

Ситуации, при которых исследование трупа может обуславливаться иной целью, чем установление причины смерти могут иметь место – это может быть исследование частей (фрагментов) трупа, выявление на них индивидуализирующих особенностей (татуировок и т.д.) Но решение подобных задач носит характер специфический и характеризуется редкостью в правоприменении. Соответственно, данная ситуация не может претендовать на роль правила, а может рассматриваться только в качестве исключения из него.

Таким образом, анализ действующего законодательства и правоприменительной практики приводит к выводу о том, что при проведении

доследственной проверки по факту причинения смерти, как правило, требуется назначение судебно-медицинской экспертизы, четкий алгоритм действий при назначении и производстве которой закреплен в гл. 27 УПК РФ.

На основании сказанного, представляется целесообразным разграничить ситуации, с учётом положений ст. 196 УПК РФ, при которых должна назначаться судебная экспертиза трупа и ситуации, при которых возможно производство исследования трупа, путём внесения изменений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ следующего содержания (выделено курсивом): «Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов (для решения вопросов, не связанных с установлением причины смерти), привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Такое дополнение позволит исключить необоснованное производство исследования трупа (в противоречии со ст. 196 УПК РФ), вместо производства судебной экспертизы трупа, создав достаточно чёткий критерий такого разграничения и позволит избежать дублирования процессуальных действий.

Таким образом, представляется, что законодателю необходимо уточнить ряд вопросов процессуального характера, связанных с получением проверочных сведений на этапе возбуждения уголовного дела, чтобы таковые, при необходимости, можно было бы использовать не только для обоснования решения о возбуждении уголовного дела, но и для доказывания – в качестве допустимого уголовно-процессуального доказательства.

3.2 Проблемы доказательств и доказывания на предварительном расследовании

Этап предварительного расследования – является центральным этапом досудебного производства в ходе которого осуществляется полноценная уголовно-процессуальная деятельность, направленная на собирание, проверку и оценку доказательств.

Значение данной стадии производства по делу состоит в том, что она предваряет судебное разбирательство, создавая основу для полноценного рассмотрения и разрешения дела.

Как полагают отдельные авторы, «данная стадия облегчает последующее судебное следствие и освобождает суд от разбирательства, бесспорно влекущего прекращение уголовного преследования» [43, с. 198].

Основным способом возникновения в материалах уголовного дела доказательств является их собирание посредством производства широкого спектра следственных действий.

Собирая и проверяя таким образом доказательства, следователь и дознаватель, конечно же, не могут обходить стороной оценку формируемой доказательственной базы.

Следует более подробно остановиться на некоторых проблемах доказывания, которые возникают в практике деятельности следователя и дознавателя в досудебном производстве.

Одной из важных составляющих эффективного расследования многих уголовных дел выступает процессуальная возможность использования для этого специальных знаний – знаний, которых, как правило, лишены органы предварительного расследования и суд. Речь идёт о таких участниках уголовного процесса, как эксперт и специалист, благодаря которым в материалах уголовного дела появляются такие виды доказательств, как заключение и показания эксперта, а также заключение и показания специалиста (ч. 2 ст. 74 УПК РФ, ст. 80 УПК РФ).

Как известно, сторона защиты лишена возможности назначения судебных экспертиз самостоятельно, эта возможность – исключительная компетенция должностных лиц, обладающих властными полномочиями. Нарушение существовавшей ранее «монополии» должностных лиц стороны обвинения и суда в отношение использования специальных знаний в доказывании, связано с наделением стороны защиты определёнными процессуальными возможностями в указанном направлении: Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ [75] в действующий УПК РФ была введена такая разновидность доказательств, как заключение и показания специалиста. С этого момента сторона защиты получила возможность обращаться к специальным знаниям независимо от субъектов процесса, наделённых властными полномочиями – самостоятельно.

Как пишет в этой связи А.Р. Белкин, «заключение специалиста получило важнейший официальный статус – статус доказательства. Представленное защитником заключение специалиста следователь или суд обязаны будут приобщить к делу и подвергнуть проверке и оценке наравне с другими доказательствами» [11, с. 334].

При этом, специалист не должен подменять собой эксперта. Как подчеркивают отдельные исследователи, «задача специалиста разъяснить то, что может быть непонятно юристам при исследовании обстоятельств дела, установление которых требует специальных знаний. С помощью заключения специалиста решаются иные задачи, нежели с помощью заключения эксперта:

оно помогает следователю и суду компенсировать отсутствие у них собственных знаний в данной специальной сфере и на этой основе самостоятельно верно оценить имеющиеся в деле экспертные заключения, проверить выводы эксперта путем проведения повторных экспертиз, производства иных следственных или судебных действий» [67, с. 38].

Несмотря на то, что законодатель счёл возможным использовать заключение специалиста, как альтернативу традиционному уголовно-процессуальному доказательству в виде заключения эксперта, существующее регулирование в данном направлении не лишено недостатков.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве, к сожалению, отсутствует регулирование оформления заключения специалиста, в связи с чем нет и единства в правоприменении, что не способствует развитию практики обращения стороны защиты к специальным знаниям.

Вероятно, законодатель считает, что деятельность, связанная с получением заключения специалиста в уголовном судопроизводстве, находится за рамками производства процессуальных действий, а значит детализировать её нет необходимости. Тем не менее, как представляется, законодателю следует внести ясность в вопросе процессуального оформления заключения специалиста и создать таким образом более чёткую основу для вовлечения в процесс производства по делу данного доказательства.

С одной стороны, это позволит стороне защиты более эффективно использовать данную процессуальную возможность, применительно к доказыванию, а с другой стороны создаст дополнительные гарантии допустимости получаемого доказательства в виде заключения специалиста, что несомненно важно для должностных лиц обвинения и суда.

Как верно отмечает А.Д. Аветисян, «заключение специалиста не имеет никаких преимуществ перед другими доказательствами и подлежит обязательной оценке следователем или дознавателем. На каких бы точных научных данных не был основан вывод специалиста, он не может считаться обязательным для органов предварительного расследования и подлежит

обязательной оценке с точки зрения допустимости, относимости и достоверности» [2, с. 81].

Сложно переоценить значение оценки заключения специалиста, так как она предопределяет возможность использования такового в процессе доказывания. Неурегулированность вопросов, связанных с получением и процессуальным оформлением заключения специалиста, лишь создаёт дополнительные препятствия установлении допустимости и достоверности данного доказательства – мешает его объективной оценке.

Что касается заключения эксперта, как результата проведённого экспертного исследования в рамках назначенной судебной экспертизы, то данное доказательство в практике нередко считается одним из наиболее «весомых». Придаваемое заключению эксперта «особое доказательственное значение» не основано на уголовно-процессуальном законодательстве. Все доказательства по делу не имеют заранее установленной силы, о чём уже указывалось ранее, относительно принципа свободы оценки доказательств (ч. 2 ст. 17 УПК РФ).

Должностному лицу, осуществляющему предварительное расследование, следует взвешенно подходить к оценке экспертного заключения, устанавливая отсутствие противоречий с совокупностью иных доказательств, фигурирующих в материалах уголовного дела.

Безоговорочное доверие данной разновидности доказательств лишь по причине того, что сведения исходят от эксперта, обладающего специальными познаниями, который провёл соответствующее исследование, чревато введением в процесс доказывания недостоверных данных.

Также в контексте оценки заключения эксперта должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, может быть рассмотрена возможность назначения повторной или дополнительной судебной экспертизы.

Следует согласиться с авторами, которые полагают, что «заключение эксперта не имеет для дознавателя, следователя и суда заранее установленной

силы и в случае его противоречия совокупности доказательств, собранных по уголовному делу, дознаватель, следователь и суд вправе не принимать заключение эксперта к своему сведению» [2, с. 81].

Допуская использование в процессе доказывания по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ), законодатель, к сожалению, никак не уточнил и не детализировал данный вопрос, оставив простор для суждений и процессуальных сложностей.

В частности, с точки зрения процессуальной регламентации остаётся неразрешённым вопрос о том, каким именно образом следует вводить в доказательственную базу предметы и документы, полученные в результате производства оперативно-розыскных мероприятий.

Для совершенствования уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его правоприменения необходимо дополнить статью 81 УПК РФ ч. 5 и изложить ее в следующей редакции: «Предметы и документы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, необходимо проверить процессуальным путем. С этой целью следователь, дознаватель проводят осмотр предметов и документов или другие следственные действия и в случае, если они отвечают требованиям, предъявляемым для доказательств, выносят постановление о приобщении их к уголовному делу в качестве доказательств».

Данное законодательное решение может позволить добавить чёткости в определении процедуры придания статуса уголовно-процессуального доказательства предметам или документам, полученным внепроцессуальным путём, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Как отмечают отдельные авторы, в нормах действующего УПК РФ «не разработан процессуальный механизм реализации в ходе предварительного расследования обязанности стороны обвинения опровергать доводы, приводимые в защиту обвиняемого» [59, с. 21].

Советский законодатель в ч. 2 ст. 205 УПК РСФСР [72] требовал приводить в обвинительном заключении доводы обвиняемого в свою защиту

и результаты их проверки, т.е. обязывала должностное лицо стороны обвинения анализировать доказательства в целях формирования убеждения в несостоятельности доводов лица, на которое направлено уголовное преследование.

Отдельные авторы полагают, что «из содержания ч. 2 ст. 14 УПК РФ следует, что если в обвинительном заключении (акте) содержатся доказательства, на которые ссылается сторона защиты, то следователь (дознаватель) обязан проверить доводы стороны защиты, в обоснование которых она предлагает эти доказательства, и, если они окажутся несостоятельными, опровергнуть» [59, с. 21].

Однако, действующий УПК РФ не содержит подобной обязанности, адресованной стороне обвинения в рамках предварительного расследования, равно, как не содержит необходимого процессуального механизма.

Следует признать правоту авторов [45, с. 386], которые утверждают, что в деятельности должностных лиц стороны обвинения должен отсутствовать односторонний обвинительный уклон, ввиду объективной основы данной деятельности, осуществляемой от лица государства.

Следователь, дознаватель и иные должностные лица стороны обвинения должны быть объективны в своей доказательственной деятельности, несмотря на отнесение к соответствующей категории участников уголовного судопроизводства – данная категоризация является в достаточной степени условной.

Результаты предварительного расследования, имеющие доказательственное значение, подвергаются предварительной оценке должностных лиц стороны обвинения, прежде, чем уголовное дело будет передано в суд для полноценного рассмотрения и разрешения.

Средством преодоления необъективности лиц, осуществляющих производство предварительного расследования, в их доказательственной деятельности можно считать роль прокурора в оценке итогов производства предварительного расследования.

Ключевой фигурой такой оценки, как представляется, выступает прокурор. Как отмечается специалистами, «оценка доказательств прокурором выступает самой видимой и неоспоримой стороной в его доказательственной деятельности в досудебном производстве, поскольку самые значимые решения прокурора принимаются по результатам оценки им доказательств, собранных, проверенных и представленных прокурору другими участниками уголовного судопроизводства, такими как следователь и дознаватель» [79, с. 110].

Ярким примером в указанном контексте является деятельность прокурора, связанная с утверждением или отклонением итогового процессуального документа обвинения, которым завершается расследование уголовного дела: обвинительного заключения, обвинительного акта, или обвинительного постановления. Именно в этих документах обобщаются и отражаются доказательства, требующие от прокурора соответствующей оценки.

В связи с тем, что на прокурора возлагается столь значимая в контексте доказывания задача, он должен обладать, как верно отмечают К.Д. Вишневский и Н.В. Поляков, «достаточными теоретическими и практическими знаниями, позволяющими самостоятельно оценить собранные на стадии предварительного расследования доказательства с точки зрения относимости, допустимости и достаточности. По этому принципу должно быть оценено каждое доказательство в отдельности, а также их совокупность» [15, с. 26].

По мнению С.В. Шевченко, «оценка доказательств – важнейшая составляющая процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Задача оценки представленных доказательств имеет место наряду с задачей собирания необходимых сведений по обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела. Оценка доказательств необходима для соблюдения законности, принятия обоснованных решений по уголовному делу, в качестве

основы принятия процессуальных решений и окончательного решения по делу – приговора» [81, с. 215].

Оценка доказательств для прокурора, поддерживающего государственное обвинение, важна, как средство формирования чёткой уверенности в отношении обвиняемого к инкриминируемому ему деянию, что невозможно без убеждённости прокурора в том, что обвинение предъявлено обоснованно и имеющейся доказательственной базы достаточно для принятия процессуального решения.

Внутреннее убеждение прокурора, выступающего в качестве государственного обвинителя относительно доказательств по уголовному делу – это результат мыслительной деятельности прокурора с использованием принципов оценки доказательств, выраженный в сложившемся мнении о законности предъявленного обвинения и достаточности собранных доказательств – без этого инициация судебного разбирательства видится невозможной. Поскольку, как представляется, лишь предварительный результат оценки собранных доказательств прокурором, выраженный в сформированной уверенности в виновности обвиняемого, может стать определяющим сущностным моментом для передачи уголовного дела в суд. Обратное абсурдно – в суд не может и не должно быть передано уголовное дело с недоказанной с точки зрения прокурора виновностью обвиняемого в совершении преступления.

3.3 Проблемы доказательств и доказывания в суде

Судебное разбирательство считается центральным этапом производства по уголовному делу и это не случайно, ведь именно здесь имеет место осуществление правосудия и находит своё разрешение ключевой вопрос о виновности или невиновности лица, на которое направлено уголовное преследование.

Ключевым субъектом уголовно-процессуальной деятельности в целом и оценки доказательств в частности на данном этапе является суд, что является закономерным, исходя из исключительности судебных полномочий, связанных с разрешение дела по существу и возможностью признания подсудимого виновным в совершении преступления и назначения ему наказания по итоговому процессуальному документу данного этапа – обвинительному приговору суда. В основе вынесенного судом решения лежит произведённая судом оценка совокупности доказательств.

Как представляется, в основе правильной оценки доказательств, производимой судом, находится, помимо прочего, комплекс личностных качеств и характеристик судьи, как непосредственного субъекта оценки доказательств, наделённого исключительными в данном ключе властными полномочиями.

Максимально объективно (насколько это возможно) оценить доказательства можно лишь будучи незаинтересованным и в отсутствии предубеждений. Незаинтересованность в исходе дела обеспечивается комплексом гарантий независимости и беспристрастности судьи, как носителя судебной власти.

В.А. Лазарева, исследуя роль судебной власти в современном обществе, говорит о «необходимости обеспечения ее подлинной независимости как основном критерии ценности для названных институтов» [39, с. 11].

Правовые основы регулирования статуса суда в РФ В.П. Кашепов связывает, в первую очередь, с ее независимостью и самостоятельностью: «Среди конституционных принципов организации и деятельности судебной власти можно выделить важнейший, реализация которого в значительной степени способна обеспечить эффективность правосудия. Это принцип независимости, несомненно, определяющий статус суда в современном государстве» [27, с. 26].

По словам Д.В. Фетишева, «независимость состоит в создании для судей таких условий осуществления их деятельности, при которых они могли бы

рассматривать дела и принимать по ним решения на основе Конституции и других федеральных законов, руководствуясь исключительно своим внутренним убеждением, основанным на исследовании всех доказательств в их совокупности» [77, с. 17].

С учётом важности указанного аспекта, вполне обоснованно принцип независимости судей получил своё нормативное оформление в ст. 8.1 в УПК РФ, с принятием Федерального закона от 02.07.2013 г. № 166-ФЗ [74], пополнив собой ряд иных принципов уголовного судопроизводства.

Что же касается отсутствия у судьи предубеждений, как аспекта, влияющего на возможность правильной оценки доказательств, то данная составляющая, хотя и находится во взаимосвязи с независимостью судьи, всё же имеет собственное психологическое содержание, основанное на личностных качествах судьи.

Следует согласиться с В.Л. Сысковым в его выводе о том, что «внутреннее убеждение судьи и его правосознание, как явления, имеющие в своей структуре психологический аспект, являются основаниями оценки доказательств» [66, с. 185].

В этой связи можно резюмировать, что в основе качественной оценки доказательств по поступившему в суд уголовному делу, помимо следования процессуальным основам доказательственной деятельности, лежит комплекс личностных качеств и характеристик судьи – логического и этического плана. Сказанное позволяет воспринимать доказательственную деятельность судьи в двойственном контексте: с одной стороны, эта деятельность носит процессуальный характер, строится на принципе свободы оценки доказательств и находит свою регламентацию в нормах действующего УПК РФ. С другой стороны, эта деятельность имеет логические и этические стороны, без следования которым получение полноценных и объективных выводов для принятия обоснованных процессуальных решений представляется маловероятным.

Только ли непосредственно в судебном разбирательстве суд становится субъектом оценки доказательств, или же данный аспект участия суда в доказывании имеет место уже на стадии назначения судебного заседания?

На этапе назначения судебного заседания судья оценивает достаточность доказательств, однако, такая оценка отнюдь не означает формирование вывода о возможности признания подсудимого виновным в совершении преступления. В данном случае суд связывает такую достаточность «лишь с тем, что при судебном разбирательстве дела суду будет что проверять и оценивать. При этом судья вправе по ходатайствам сторон истребовать дополнительные доказательства, тем самым обеспечив достаточность доказательств для рассмотрения дела в судебном разбирательстве» [14, с. 52].

Отдельные авторы признают, что, «несмотря на отсутствие в новом уголовно-процессуальном законе требования к суду проверять достаточность представленных доказательств, задачей суда в этой стадии все же остается, как и прежде, проверка наличия достаточности установленных органами предварительного расследования фактических данных для рассмотрения уголовного дела в судебном разбирательстве» [60, с. 36].

Как представляется, на этапе назначения судебного заседания у суда не может сформироваться уверенность в обоснованности обвинения, поскольку такая обоснованность предполагает «убеждённость в виновности обвиняемого, но такое убеждение не может возникнуть у судьи в стадии предания суду, так как на этой стадии не проверяется и не оценивается достоверность доказательств» [26, с. 218].

Соответственно, исходя из изложенного, на данном этапе судья убеждается не в виновности лица, а в принципиальной возможности законного рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу в рамках судебного разбирательства, при том условии, что комплекс содержащихся в материалах уголовного дела доказательств пригоден с точки зрения их свойств, для непосредственного исследования в судебном следствии. Только по итогам

исследования доказательств в рамках судебного следствия, являющегося центральной частью судебного разбирательства, суд может дать им итоговую и окончательную оценку.

Заслуживает внимания комплекс проблем, связанный с доказательственной деятельностью суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела, поступившего по результатам сокращенного дознания.

Сокращённая форма дознания характеризуется специфической моделью доказывания: специфичны как предмет, так и пределы доказывания; иными являются правила оценки доказательств.

Нормативные положения главы 32.1 УПК РФ далеки от совершенства, в том числе в вопросе доказывания, что не даёт возможности суду применять их эффективно и непротиворечиво.

Изменение подходов к доказыванию, применительно к сокращённой форме дознания, имеет место как в досудебном производстве, так и уже непосредственно в судебном разбирательстве.

Как отмечают отдельные авторы, «если применительно к досудебному производству можно говорить о том, что доказывание модифицировано, то относительно судебного разбирательства по уголовным делам, поступившим с обвинительным постановлением, можно вести речь исключительно о редукции доказательственной деятельности» [41, с. 109].

Ю.В. Кувалдина отмечает: «ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ, по своей сути, не противоречит требованиям ст. 73 УПК РФ, хотя ее применение и требует системного толкования вкупе с другими нормами, закрепленными в главе 32.1 УПК РФ» [32, с. 50].

Применительно к рассматриваемой ситуации представляется более значимым, что то, какие законодатель допускает использовать процессуальные средства для достижения результата доказывания, так как законодатель обозначил в нормах действующего УПК РФ правовую возможность на законных основаниях использовать в качестве доказательств сведения доследственной проверки, равно, как не обозначил обязанность

дознавателя обеспечить процессуальную легализацию данных сведений «традиционным» образом – посредством производства следственных действий.

В связи со сказанным, сложно не поддержать В.А. Лазареву и С.А. Шейфера относительно того, что, «допустив возможность собирания доказательств в свободной от процедурных требований форме, законодатель ослабил форму в качестве критерия допустимости доказательств, фактически уравнял ценность доказательств, полученных в строгой законной процедуре, с иными доказательствами, обессмыслил тем самым понятие допустимости доказательств» [40, с. 17].

Фактически, если исходить из содержания ч. 2 и 3 ст. 226.5 УПК РФ, законодатель допускает строить итог обвинения на внепроцессуальных сведениях. Более того, законодатель предоставляет суду возможность выносить обвинительный приговор на основе таких сведений, полученных вне процессуальных рамок.

Таким образом, законодатель, формулируя вышеназванные положения, «отходит» от общих основ доказывания в пользу формальных правил усеченной компромиссной процедуры в виде дознания в сокращённой форме.

Законодатель, выделяя дознание в сокращённом виде, обозначил правила осуществления судебного разбирательства также в главе 32.1 УПК РФ, что критикуется авторами [37, с. 14], как решение не самое удачное.

На основании ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ, суд первой инстанции рассматривает дело, поступившее с обвинительным постановлением, в порядке, предусмотренном ст. 316 и 317 УПК РФ, но с рядом оговорок.

Данная нормативная конструкция создала возможность постановления приговора мировым судьей без исследования и оценки доказательств, помимо тех, что характеризуют личность подсудимого, в контексте назначаемого судом наказания. При этом в ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ обозначен императив, в соответствии с которым суду необходимо исследовать и дать правовую оценку также и тем доказательствам, которые отражены в обвинительном

постановлении, что видится вполне логичным, но противоречие имеет место быть.

Как верно замечает В.А. Лазарева, «непродуманность и противоречивость такого правового регулирования очевидны» [37, с. 14].

Таким образом, при рассмотрении и разрешении уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением, судом должна быть дана оценка тем доказательствам, которые фигурируют в обвинительном постановлении. Но вызывает вопрос имеющаяся ограниченность установления обстоятельств дела, без чего вынесение законного, обоснованного и справедливого обвинительного приговора суда видится сомнительным.

Как резонно отмечается авторами, «если судья вдруг обнаружит противоречие между обвинительным постановлением и материалами уголовного дела, то ему предоставлен только один выход – вернуть уголовное дело прокурору. Такое положение дел превращает судью из субъекта, разрешающего уголовное дело, в формального регистратора в приговоре результатов деятельности органов уголовного преследования» [41, с. 110].

Такое положение несколько нивелирует роль и значение суда, как ключевого участника уголовного судопроизводства.

В целях совершенствования регулирования обозначенного круга вопросов представляется целесообразным сузить основания возвращения уголовного дела прокурору и наделить суд правом по собственной инициативе или по ходатайству сторон переходить от особого порядка к общему.

«Неясно, почему, доказательств, указанных в обвинительном постановлении, достаточно для постановления обвинительного приговора в особом порядке и недостаточно для рассмотрения уголовного дела в полноценном судебном разбирательстве с исследованием судом всех материалов уголовного дела» [60, с. 37] – указывается исследователями.

Вызывает вопрос отсутствие у осуждённого права обжаловать подобный обвинительный приговор в апелляционном порядке в связи с несоответствием

выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, ведь суд, в соответствии с вышеизложенным, всё же исследует доказательства, обозначенные в обвинительном постановлении.

Почему такое основание не применимо к ситуации классического особого порядка, понятно, ведь там суд освобожден от исследования и оценки доказательств в общем порядке, и в приговоре не приводится ни анализ доказательств, ни их оценка. Но при рассмотрении уголовного дела, поступившего с обвинительным постановлением, суд обязан исследовать доказательства, приведенные в обвинительном постановлении, и приговор требует соответствующей мотивировки.

В этой связи, представляется обоснованным наделить осужденного правом апелляционного обжалования приговора, постановленного мировым судьей по результатам сокращенного дознания, по основанию, предусмотренному п. 1 ст. 389.15 УПК РФ.

По итогам третьей главы исследования можно сделать следующие основные выводы.

Что касается проблем доказывания на этапе возбуждения уголовного дела, следует отметить, что сердцевиной данной стадии является проверка информации о совершённом преступлении и принятие процессуального решения уполномоченным должностным лицом, основанное на результатах проведённой проверки. По сути, собирание доказательств и доказывание не входит в задачи данного этапа, но, вполне очевидно, что познание на данной стадии, как и в уголовном судопроизводстве в целом, происходит опосредованно: при помощи доказательств.

Процесс доказывания на обозначенном этапе уголовно-процессуальной деятельности сопряжён с рядом проблем, многие из которых обусловлены несовершенством нормативного регулирования процессуальной деятельности на рассматриваемой стадии уголовного процесса.

Способы проверки информации о преступлении обозначены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, однако, законодатель сделала это весьма лаконично, в

результате чего в законе недостаточно урегулирован процессуальный порядок получения сведений, связанных с проверкой сообщения о преступлении, и создана основа для проблематичности последующего использования результатов проверочных действий в качестве доказательств.

Сказанное справедливо относительно производства таких проверочных действий, как: опрос, получение образцов для сравнительного исследования и исследование трупа.

Для устранения имеющихся недостатков в правовом регулировании, представляется необходимым внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Этап предварительного расследования – является центральным этапом досудебного производства в ходе которого осуществляется полноценная уголовно-процессуальная деятельность, направленная на собирание, проверку и оценку доказательств.

Одной из важных составляющих эффективного расследования многих уголовных дел выступает процессуальная возможность использования для этого специальных знаний.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве, к сожалению, отсутствует регулирование оформления заключения специалиста, в связи с чем нет и единства в правоприменении, что не способствует развитию практики обращения стороны защиты к специальным знаниям.

Тем не менее, как представляется, законодателю следует внести ясность в вопросе процессуального оформления заключения специалиста и создать таким образом более чёткую основу для вовлечения в процесс производства по делу данного доказательства.

С одной стороны, это позволит стороне защиты более эффективно использовать данную процессуальную возможность, применительно к доказыванию, а с другой стороны создаст дополнительные гарантии допустимости получаемого доказательства в виде заключения специалиста, что несомненно важно для должностных лиц обвинения и суда.

Допуская использование в процессе доказывания по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности, законодатель, к сожалению, никак не уточнил и не детализировал данный вопрос, оставив простор для суждений по данному поводу, а также для разнообразных процессуальных сложностей.

В частности, с точки зрения процессуальной регламентации остаётся неразрешённым вопрос о том, каким именно образом следует вводить в доказательственную базу предметы и документы, полученные в результате производства ОРМ.

Для совершенствования уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его правоприменения необходимо дополнить статью 81 УПК РФ ч. 5 и изложить ее в следующей редакции: «Предметы и документы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, необходимо проверить процессуальным путем. С этой целью следователь, дознаватель проводят осмотр предметов и документов или другие следственные действия и в случае, если они отвечают требованиям, предъявляемым для доказательств, выносят постановление о приобщении их к уголовному делу в качестве доказательств».

Данное законодательное решение может позволить добавить чёткости в определении процедуры придания статуса уголовно-процессуального доказательства предметам или документам, проходящим в материалах уголовного дела, полученным внепроцессуальным путём, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Судебное разбирательство считается центральным этапом производства по любому уголовному делу, где важнейшим и ключевым субъектом оценки уголовно-процессуальных доказательств выступает справедливый, независимый и беспристрастный суд. Именно результат оценки доказательств, произведённой судом, играет базовую роль в обосновании итогового решения, выносимого по уголовному делу.

Можно резюмировать, что в основе качественной оценки доказательств по поступившему в суд уголовному делу, помимо следования процессуальным основам доказательственной деятельности, лежит комплекс важнейших личностных качеств и характеристик судьи, как носителя судебной власти – логического и этического плана.

Сказанное позволяет воспринимать доказательственную деятельность судьи в двойственном контексте: с одной стороны, эта деятельность носит процессуальный характер, строится на принципе свободы оценки доказательств и находит свою регламентацию в нормах действующего УПК РФ.

С другой стороны, эта деятельность имеет логические и этические стороны, без следования которым получение полноценных и объективных выводов для принятия обоснованных процессуальных решений представляется маловероятным.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Как представляется, понятие доказывания является одной из базовых и определяющих категорий в соответствующей области научного знания и уголовно-процессуальной практики. К сожалению, в действующем УПК РФ определение соответствующего понятия отсутствует, что предопределяет наличие широкого спектра мнений по данному вопросу в уголовно-процессуальной науке.

Думается, что в качестве краткого определения доказывания можно предложить следующее: под доказыванием следует понимать непосредственную и опосредованную уголовно-процессуальным законом практико-мыслительную деятельность должностных лиц стороны обвинения и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Можно констатировать, что установление истины следует рассматривать, как идеальный результат доказывания. Фактическим же результатом уголовно-процессуального доказывания выступает достижение уголовно-процессуальной истины – т.е. установления процессуальным путём того круга и объёма обстоятельств, дающих возможность суду вынести решение по уголовному делу.

Доказывание имеет сложную внутреннюю структуру. В науке выделяют элементы процесса доказывания, т.е. его составные части, обозначенные в уголовно-процессуальном законе. Речь идёт о собирании, проверке и оценке доказательств.

Сущностное понимание оценки доказательств связано с мыслительной, логической деятельностью должностных лиц, участвующих в процессе доказывания.

При оценке совокупности доказательств, происходит определение того, являются ли сведения, представляющие информативную сущность доказательства, достаточными для обоснования принятия процессуального решения. Особенно важен оценочный вывод субъекта доказывания применительно к обоснованию окончательных выводов по уголовному делу.

В процессе оценки доказательств формируется понимание того, является ли анализируемый комплекс доказательств достоверным и доброкачественным – а значит, процессуально-пригодным для реализации цели установления истины по делу.

Как и любая другая уголовно-процессуальная деятельность, оценка доказательств осуществляется на основе базовых основ – или принципов уголовного судопроизводства, обозначенных законодателем в главе 2 УПК РФ.

Можно резюмировать, что отдельные составляющие (элементы) оценки доказательств, связанные с формированием внутреннего убеждения на основе закона и совести, нецелесообразно разобщать, рассматривая как отдельные принципы оценки доказательств – в своём единстве они образуют принцип свободы оценки доказательств, закреплённый в ч. 1 ст. 17 УПК РФ. Второй же принцип оценки доказательств – принцип отсутствия заранее установленной силы доказательств, заключён в ч. 2 ст. 17 УПК РФ.

Таким образом, оценка доказательств в российском уголовном процессе строится на основе двух принципов: принципе свободы оценки доказательств и принципе отсутствия заранее установленной силы доказательств.

Относительно круга субъектов оценки доказательств, ряд авторов выделяет в качестве таковых широкий круг участников уголовного судопроизводства. Как представляется, здесь имеет место определённое отождествление субъектов доказывания и субъектов оценки доказательств. Да, бесспорно, что каждый субъект доказывания, даже не обладая какими-либо властными полномочиями, способен путём логических операций оценить то, или иное доказательство, а также оказать влияние на принятие

должностными лицами, имеющими властные полномочия, процессуальных решений, в контексте оценки доказательств, посредством заявления ходатайств. Тем не менее, удовлетворение таких ходатайств не является обязанностью соответствующих субъектов доказывания.

Широкий круг субъектов доказывания действительно можно считать субъектами оценки доказательств только лишь в широком смысле. Субъектами оценки доказательств в узком смысле слова могут быть лишь те субъекты доказывания, результат оценки которых непосредственно обуславливает принятие решений, имеющих уголовно-процессуальное значение.

Таким образом, к числу субъектов оценки доказательств в узком смысле можно отнести лишь таких субъектов доказывания, которые наделены соответствующими полномочиями: судью, присяжных заседателей, прокурора, следователя и дознавателя.

Информационно-удостоверительная сущность доказательств выражается в тех свойствах, которыми в соответствии с положениями раздела III УПК РФ должны обладать доказательства: свойствах относимости, допустимости и достоверности.

Все перечисленные категории выступают критериями оценки доказательств, являющейся «венцом» доказывания – подводящим итог доказывания в целом. Тем не менее, из всех предусмотренных законом критериев оценки доказательств в формализованы именно относимость и допустимость.

Относимость – неотъемлемый атрибут любого уголовно-процессуального доказательства. Другими словами, если сведения, составляющие информационное содержание доказательства, не имеют никакой связи с искомыми по уголовному делу обстоятельствами, то они не могут получить статус уголовно-процессуального доказательства, даже если будут отвечать свойствам допустимости и достоверности.

Допустимость и достоверность доказательств – это качественные по своей сути атрибуты доказательства, определяющие возможность использования сведений в уголовно-процессуальном качестве доказательства.

В широком смысле допустимость доказательств означает его законность. Ст. 75 УПК РФ отдельно посвящена данному свойству доказательств. При этом, законодатель, характеризуя данный атрибут доказательства, в указанной норме ведёт речь «от обратного», говоря не о том, какие доказательства являются допустимыми, а о том, какие являются недопустимыми, очерчивая спектр ситуаций, влекущих утрату сведениями, облечёнными в процессуальную форму, возможности иметь доказательственное значение.

Понятие достоверности включает в себя как истинность знания, то есть его соответствие объективной действительности, так и обоснование данной истинности, адресованное соответствующему субъекту.

Оценка допустимости доказательств при отсутствии нормативных основ оценки такого свойства, как достоверность, создают ситуацию, при которой субъекты доказывания игнорируют анализ свойства достоверности, что не соответствует задаче достижения назначения уголовного судопроизводства и повышению эффективности расследования.

Как представляется, для обеспечения более чёткого понимания содержания и значения проанализированных свойств относимости, допустимости и достоверности доказательств, понятия данных категорий стоит нормативно обозначить в соответствующих уголовно-процессуальных нормах, посвящённых доказательствам и доказыванию, как это сделано зарубежным законодателем в уголовно-процессуальном законе ряда стран СНГ.

«Достаточность совокупности доказательств» – категория относительная, поскольку отличается применительно к установлению различных обстоятельств по уголовным делам.

Законодатель прямо говорит о том, что для признания виновности лица, на которое направлено уголовное преследование, не достаточно одного доказательства – в основе уголовно-процессуального подтверждения виновности должна находиться совокупность доказательств.

Таким образом, разрешение дела лишь на основе одиночного доказательства невозможно, для этого необходима совокупность таковых. Однако, сколько именно доказательств должно быть в наличии, чтобы следователь или дознаватель мог счесть дело успешно расследованным, а суд мог вынести обоснованный и мотивированный судебный приговор, законодатель не конкретизирует. Это оправданно, поскольку обратное противоречило бы логике доказывания и его гносеологическим основам.

Каждое событие преступления слишком индивидуально, независимо от того, что имеются общие аспекты, объединяющие преступления одной категории, чтобы можно было формализовать точное число доказательств, образующих совокупность, достаточную для разрешения уголовного дела. Таким образом, критерий достаточности доказательств при постановлении обвинительного приговора, является субъективным.

В соответствии с законами логики, утверждение может быть признано обоснованным лишь в том случае, когда в основе данного утверждения есть достаточное основание.

Таким образом, признание лица виновным в совершении преступления может быть признано обоснованным и, априори, истинным, когда в материалах уголовного дела есть достаточная совокупность доказательств.

Что касается проблем доказывания на этапе возбуждения уголовного дела, следует отметить, что сердцевиной данной стадии является проверка информации о совершённом преступлении и принятие процессуального решения уполномоченным должностным лицом, основанное на результатах проведённой проверки. По сути, собирание доказательств и доказывание не входит в задачи данного этапа, но, вполне очевидно, что познание на данной

стадии, как и в уголовном судопроизводстве в целом, происходит опосредованно: при помощи доказательств.

Процесс доказывания на обозначенном этапе уголовно-процессуальной деятельности сопряжён с рядом проблем, многие из которых обусловлены несовершенством нормативного регулирования процессуальной деятельности на рассматриваемой стадии уголовного процесса.

Способы проверки информации о преступлении обозначены в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, однако, законодатель сделала это весьма лаконично, в результате чего в законе недостаточно урегулирован процессуальный порядок получения сведений, связанных с проверкой сообщения о преступлении, и создана основа для проблематичности последующего использования результатов проверочных действий в качестве доказательств.

Сказанное справедливо относительно производства таких проверочных действий, как: опрос, получение образцов для сравнительного исследования и исследование трупа.

Для устранения имеющихся недостатков в правовом регулировании, представляется необходимым внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ.

Этап предварительного расследования – является центральным этапом досудебного производства в ходе которого осуществляется полноценная уголовно-процессуальная деятельность, направленная на собирание, проверку и оценку доказательств.

Одной из важных составляющих эффективного расследования многих уголовных дел выступает процессуальная возможность использования для этого специальных знаний.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве, к сожалению, отсутствует регулирование оформления заключения специалиста, в связи с чем нет и единства в правоприменении, что не способствует развитию практики обращения стороны защиты к специальным знаниям.

Тем не менее, как представляется, законодателю следует внести ясность в вопросе процессуального оформления заключения специалиста и создать таким образом более чёткую основу для вовлечения в процесс производства по делу данного доказательства.

С одной стороны, это позволит стороне защиты более эффективно использовать данную процессуальную возможность, применительно к доказыванию, а с другой стороны создаст дополнительные гарантии допустимости получаемого доказательства в виде заключения специалиста, что несомненно важно для должностных лиц обвинения и суда.

Допуская использование в процессе доказывания по уголовным делам результатов оперативно-розыскной деятельности, законодатель, к сожалению, никак не уточнил и не детализировал данный вопрос, оставив простор для суждений и процессуальных сложностей.

В частности, с точки зрения процессуальной регламентации остаётся неразрешённым вопрос о том, каким именно образом следует вводить в доказательственную базу предметы и документы, полученные в результате производства ОРМ.

Для совершенствования уголовно-процессуального законодательства РФ и практики его правоприменения необходимо дополнить статью 81 УПК РФ ч. 5 и изложить ее в следующей редакции: «Предметы и документы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, необходимо проверить процессуальным путем. С этой целью следователь, дознаватель проводят осмотр предметов и документов или другие следственные действия и в случае, если они отвечают требованиям, предъявляемым для доказательств, выносят постановление о приобщении их к уголовному делу в качестве доказательств».

Данное законодательное решение может позволить добавить чёткости в определении процедуры придания статуса уголовно-процессуального доказательства предметам или документам, полученным внепроцессуальным путём, посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Судебное разбирательство считается центральным этапом производства по уголовному делу, где ключевым субъектом оценки доказательств выступает суд.

Можно резюмировать, что в основе качественной оценки доказательств по поступившему в суд уголовному делу, помимо следования процессуальным основам доказательственной деятельности, лежит комплекс личностных качеств и характеристик судьи – логического и этического плана.

Сказанное позволяет воспринимать доказательственную деятельность судьи в двойственном контексте: с одной стороны, эта деятельность носит процессуальный характер, строится на принципе свободы оценки доказательств и находит свою регламентацию в нормах действующего УПК РФ. С другой стороны, эта деятельность имеет логические и этические стороны, без следования которым получение полноценных и объективных выводов для принятия обоснованных процессуальных решений представляется маловероятным.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абросимов И.В. Актуальные вопросы обеспечения допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2007. 26 с.

2. Аветисян А.Д. Отдельные проблемы деятельности следователя по доказыванию в досудебном производстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2(34). С. 79-83.

3. Антипов А.Ю. Понятие и сущность доказывания по уголовным делам // Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации: матер. Межвед. науч.-практ. конф., 16 мая 2013 г. Руза, 2013. С. 221-224.

4. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда г. Москвы от 13.03.2013 г. по делу № 10-1263/2015 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

5. Баев О.Я. Атрибутивные признаки и качество уголовно-процессуального доказательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 4(19). С. 205-210.

6. Балакшин В. Истина в уголовном процессе // Российская юстиция. 1998. № 2. С. 17-20.

7. Балакшин В.С. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из процесса доказывания на стадии предварительного расследования // Проблемы права. 2015. № 2(50). С. 128-132.

8. Балакшин В.С. Принцип свободы оценки доказательств в системе принципов российского уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. 2015. № 4. С. 76-80.

9. Балакшин В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3. С. 8-14.

10. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : Проспект, 2012. 752 с.

11. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М. : Норма, 2005. 660 с.

12. Белкин Р.С. Избранные труды. М. : Норма, 2009. 489 с.

13. Белохортов И.И. Оценка доказательств судом: сущность и процессуальное значение // Общество и право. 2010. № 3(30). С. 24-26.

14. Веретенникова Е.В. Внутренняя убеждение судьи в оценке доказательств // Глаголъ правосудия. 2012. № 1(3). С. 48-53.

15. Вишневский К.Д., Поляков Н.В. Принципы оценки государственным обвинителем доказательств в уголовном судопроизводстве // Научный компонент. 2022. № 1(13). С. 25-29.

16. Гарусов А.В. О некоторых проблемах оценки показаний лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2016. № 2(70). С. 60-64.

17. Денисова Т.Ю., Шамардин А.А. Некоторые теоретические проблемы определения перечня и классификации субъектов доказывания по новому уголовно-процессуальному законодательству РФ // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): матер. Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27-28 янв. 2005 г.: в 2 ч. Ч. 1. Екатеринбург, 2005. С. 244-249.

18. Доля Е.А. Проверка доказательств в российском уголовном процессе (стадия предварительного расследования) // Правоведение. 1994. № 1. С. 24-27.

19. Зинатуллин З.З., Егорова Т.З. Оценка средств уголовно-процессуального доказывания. Ижевск: Детектив-Информ, 2011. 215 с.

20. Кангезов М.Р. Проблемы доказывания на стадии возбуждения уголовного дела // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 323-325.

21. Капустина Л.К. Проблема реализации принципа оценки доказательств в уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: мат. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2018. С. 147-150.

22. Капустина Л.К. Проблемы субъектов оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: матер. Регион. науч.-практ. конф. / сост. А.А. Сарсенова, Э.Х. Мамедов. – СПб. : СПбУ МВД России, 2020. С. 70-73.

23. Капустина Л.К. Соотношение допустимости и достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 3. С. 386-390.

24. Капустина Л.К. Субъекты оценки доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4(54). С. 165-173.

25. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе: учеб. пособ. Волгоград : ВСШ СССР, 1988. 68 с.

26. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. Воронеж, 1973. 452 с.

27. Конституционные принципы судебной власти Российской Федерации / отв. ред. В.П. Кашепов. - М., 2010. 310 с.

28. Копьева А.И. Об элементах уголовно-процессуальной деятельности // Теория и практика установления истины в правоохранительной деятельности: сб. науч. тр. Иркутск, 1995. С. 33-36.

29. Корнакова С.В. К дискуссии о свойствах относимости, допустимости и достоверности уголовно-процессуальных доказательств // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9. С. 67-76.

30. Корнеев Г.П. Методологические проблемы уголовно-процессуального познания. Н. Новгород, 1995. С. 92-95.

31. Крупницкая В.И. Теория доказательств и доказывание: курс лекций. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. 220 с.

32. Кувалдина Ю.В. Сокращенное судопроизводство: вчера, сегодня, завтра (гл. 32.1 УПК) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 1. С. 44-55.

33. Кустов И.С. Законодательные гарантии достижения истины по уголовному делу. Ашхабад, 1975. 260 с.

34. Лавренко А.П. Понятие, содержание и значение принципа свободы оценки доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Общество и право. 2010. № 2. С. 224-227.

35. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М. : Изд. Юрайт, 2015. 351 с.

36. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособ. М.: Изд. Юрайт; Высшее образование, 2010. 344 с.

37. Лазарева В.А. Рассмотрение уголовного дела, поступившего в суд с обвинительным постановлением // Мировой судья. 2017. № 2. С. 14-20.

38. Лазарева В.А. Судебная власть и её реализация в уголовном процессе. Самара, 2000. 218 с.

39. Лазарева В.А. Судебная власть. Судебная защита. Судебный контроль: понятие и соотношение: лекции-очерки. Самара, 2000. 285 с.

40. Лазарева В.А., Шейфер С.А. О понятии доказательства в связи с особенностями дознания, проводимого в сокращенной форме // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 5. С. 16-20.

41. Марковичева Е.В. Исследование и оценка судом доказательств по уголовному делу, поступившему с обвинительным постановлением // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 107-112.

42. Маслова М.В. Некоторые вопросы оценки судом доказательств в уголовном процессе по внутреннему убеждению // Современное право. 2015. № 3. С. 93-96.

43. Мельников В.Ю., Джамалова Б.Б., Саидов М.О. Проблемы доказывания по уголовным делам. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2020. 432 с.

44. Михеенкова М.А. Доказательства и доказывание: позиция высших судов и ЕСПЧ // Уголовный процесс. 2014. № 3. С. 25-27.

45. Моловиловкер Я.О. Обвинительная функция и обязанность доказывания виновность обвиняемого // Демократия и право развитого социалистического общества: матер. Всесоюз. науч. конф. М., 1975. С. 385-389.

46. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. - М. : НОРМА, ИНФРА-М, 2014. 1075 с.

47. Непранов Р.Г. Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовно-процессуальном праве России // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 4(59). С. 50-55.

48. Николаева И.И. Установление истины – основополагающая цель доказывания // Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 2015. С. 83-85.

49. Николаева К.Н. Самостоятельность проверки доказательств в системе доказывания // Юридический вестник Самарского университета. Т. 3. № 4. 2017. С. 196-198.

50. Николайченко В.В., Громов Н.А., Гушин А.Н. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Пенза, 1999. 250 с.

51. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Рус. яз., 1987. 797 с.

52. Павлов Е.Ю. Проверка информации о преступлении как этап обнаружения и фиксации доказательств // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2006. № 3. С. 193-195.

53. Победкин А.В. Принцип свободной оценки доказательств и его влияние на законность досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1(41). С. 104-108.

54. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

55. Постановление Президиума Московского городского суда от 13.11.2015 г. по делу № 44у-0289/15 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

56. Постановление президиума Тверского областного суда № 44-118/2016 от 19.09.2016 г. по делу № 44у-118/2016 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

57. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы от 02.10.2018 г. по делу № 01-0123/2018 // Документ официально опубликован не был. Доступ из СПС «Консультант Плюс».

58. Ратинов А.Р. Вопросы познания в судебном доказывании // Сов. государство и право. 1964. № 8. С. 105-108.

59. Романов С.В. Требование всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2008. № 1. С. 18-37.

60. Рябинина Т.К. Полномочия судьи в стадии назначения судебного заседания в уголовном процессе // Российский судья. 2010. № 4. С. 31-38.

61. Сергеев Б.М. Процессуальные и организационные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе России: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2013. 195 с.

62. Сердюков А.В., Колотова Ю.А. К вопросу о достоверности доказательств в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 1. С. 29-32.

63. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.

64. Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Проблемы совершенствования общих положений уголовно-процессуального законодательства России. М., 2010. 386 с.

65. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.

66. Сысков В.Л. Оценка доказательств судом первой инстанции как основание для принятия решений // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 5(60). С. 184-192.

67. Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в назначении и производстве экспертиз по уголовным делам // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сб. науч. ст. / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Лазаревой. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2005. С. 36-39.

68. Терехин В.В. Стандарты допустимости доказательств в уголовном процессе // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2016. № 1(33). С. 188-193.

69. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 3: Р-Я / под ред. Д.Н. Ушакова. - М. : Вече, Мир книги, 2001. 672 с.

70. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. - М. : Норма, 2004. 567 с.

71. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. // СЗ РФ. 2001. № 54 (ч. 1). Ст. 4921

72. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

73. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

74. Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3458.

75. Федеральный закон от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 1). Ст. 2706.

76. Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

77. Фетищев Д.В. Судебная власть в механизме государства. М. : Научная книга, 2007. 347 с.

78. Халиков А. Собирание доказательств в ходе проверки сообщения о преступлении // Законность. 2013. № 12. С. 55-59.

79. Чич Ж.Т. Формы оценки прокурором доказательств на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Юридическая наука. 2021. № 5. С. 110-113.

80. Шаповалова Т.И., Бондар Е.В. Соотношение достоверности и допустимости доказательств в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 6. С. 97-101.

81. Шевченко С.В. Принцип оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Теория и практика обществ. развития. 2011. № 2. С. 215-218.

82. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовному делу проблемы теории и правового регулирования. М. : НОРМА, 2009. 320 с.

83. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М. : Норма: Инфра-М, 2013. 352 с.

84. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 1981. 289 с.

85. Яковлев Я.М. Основы психологии судебно-экспертной деятельности // Вопросы психологии и логики судебно-экспертной деятельности: сб. науч. тр. / отв. ред. В.Д. Арсеньев. - М., 1977. № 30. С. 16-19.